

АНАСТАСИЯ
ЛОГИНОВА

АЛМАЗНАЯ
ПЫЛЬ

16+

Анастасия Логинова
Алмазная пыль
Серия «Детективъ
минувших лет», книга 7
Серия «Мир Ордэне», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43206859

SelfPub; 2022

Аннотация

В 1913 году в Петербурге живет маленькая Надя, которую изводят монстры, видимые только ей. Никто девочке не верит, особенно родной отец – он держит дочь взаперти и никого к ней не пускает, кроме гувернантки. А в 2018 году в Петербурге живу я, Марго. Страсть в моей жизни только одна – старинные куклы, на которых я трачу большую часть зарплаты. Покупка одной из них и стала фатальной... Загадочные Ордэне почему-то считают, что у меня есть дар, и я одна сумею помочь Наде. Я в это не верю, но, кажется, мне все равно предстоит побывать в прошлом и стать Надиной гувернанткой.

Содержание

Глава 1. Доротея	5
Глава 2. Брат и сестра	20
Глава 3. Дом на Мойке	36
Глава 4. Девочка и её монстры	50
Глава 5. Гостиная Маргариты	66
Глава 6. Розы, чашка кофе и маленькое путешествие	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Анастасия Логинова

Алмазная пыль

Алмазная пыль – атмосферное явление: твёрдые осадки в виде мельчайших ледяных кристаллов, парящих в воздухе. Образуются в морозную погоду при ясном небе, поэтому ее иногда называют также «осадками ясного неба».

©Википедия

Самой страшной казнью на Востоке была чашка кофе с алмазной пылью. Считалось, что это даже делало кофе особенно вкусным. В течение дня почти невесомые алмазы наносили тысячи мельчайших порезов на стенки кишечника и пищевода несчастной жертвы. Через неделю обреченный умирал от внутреннего кровотечения и перитонита.

©Восточная легенда

Глава 1. Доротея

Я сразу поняла, что эта кукла особенная. Дело даже не в том, что у нее настоящие человеческие волосы: в XIX веке часто прошивали кукол именно живыми волосами, и в моей коллекции уже была одна такая. Но эта совершенно на нее не похожа. Наверное, глаза ее меня заорожили: огромные, стеклянные, густо-синего цвета с тончайшими золотыми прожилками на радужке. Они были отлиты с таким поразительным мастерством, что создавалось впечатление, будто кукла смотрела на меня все то время, пока мы с продавцом стоваривались о цене.

Продавец, кстати, мне не понравился. Мы встретились в макдачной на Лиговке, и он с аппетитом уплетал бургер, когда я вошла – а после едва промокнул руки салфеткой, прежде чем поднять куклу девятнадцатого века (!!!) в оригинальном, как он утверждал, аутфите¹! Назвался Яковом, и то как-то неуверенно. Имя наверняка выдумал. А уж когда озвучил цену, совершенно мизерную для оригинала – я поняла: мошенник. И кукла его – новодел «под старину».

Но потом я взяла на руки увесистое тряпичное тельце и увидела, как склонилась набок фарфоровая головка – будто

¹ От английского «outfit» – снаряжение экипировка; обобщающее название наряда, туалета, ансамбля одежды и аксессуаров, в данном случае кукольного (прим.)

живая. И только теперь отметила, что волосы ее почти такого же сумасшедшего медного оттенка, как мои собственные. Эта кукла должна быть моей. Черт с ним, что поддельная, за такую цену переживу.

А Яков этот вообще странный тип: ему будто было наплевать и на куклу, и на сделку, и даже на эсэмэску об оплате, что упала ему на телефон. Жрал свой бургер и нахваливал, как с голодного края сбежал.

Жаль, что это меня не насторожило.

– Марго! – крикнул он вдогонку, когда я, бережно держа куклу, уже вышла на парковку. – Вы не удаляйте пока мой номер. Может, пригодится еще.

– Сдался ты мне сто лет... – буркнула я под нос и даже головы не повернула.

Домой я вернулась к ночи, а весь день моталась по рабочим делам: куклы – это хобби, на которое я трачу все свободные деньги, а на хлеб вообще-то зарабатываю веб-дизайном.

Что касается моей жизни, то вышла она самой обыкновенной, даже внимания заострить не на чем. Родилась двадцать семь лет назад в Магнитогорске, городок такой есть на Урале; была старшей из трех сестер и, сколько себя помню, нянчилась с малышкой. С тех пор бегу подальше, едва слышав детский плач. Привычка. Единственной отдушиной тогда было шитье на кукол – тех самых подделок под «Барби» с дутым телом и волосами-мочалкой, все девчонки 90-х с такими играли. А я не столько играла, сколько рисовала

наряды, да после по этим эскизам обшивала своих кукол с головы до ног: мечтала стать модельером, как вырасту. Родители в этом углядели великий талант к рисованию и отдали меня в художественную школу.

В семнадцать, едва получив аттестат, я сбежала из своего Магнитогорска, на бюджет поступила в Санкт-Петербургский вуз. Модельером я, конечно, не стала, но отчасти моя профессия и правда связана с искусством. Мой последний проект – рекламу стеклопакетов – заказчик назвал «офигительным». Это успех. Определенно.

В двадцать три я ненадолго сходила замуж, а сейчас свободна и независима, и вместо сорока кошек у меня сорок кукол. Ну хорошо, не сорок. Семьдесят две ровно. Подавляющее число из них это коллекционные «Барби», «Монстер Хай» и кастомные «Блайз», с десятков «гэдээровских» красавиц 30-60 годов, разномастные авторские куклы и несколько особенно редких экземпляров рубежа XIX-XX веков. У каждой из них есть имя, история, место на полке в застекленных шкафах из Икеи и как минимум четыре сменных аутфита, сшитых мной собственноручно.

Доротея стала семьдесят третьей.

Телефон Якова я удалила тем же вечером, пока доедала заказанные на дом роллы; тогда же созвонилась со своим старым проверенным оценщиком, чтобы наверняка выяснить происхождение новой куклы. Договорились на понедельник, а пока что, помыв посуду, почистив зубы, я пристроила До-

ротею в кресле напротив кровати – а найти для нее место в шкафу решила завтра, после того, как при дневном свете изучу все плюсы и минусы своего приобретения.

Не тут-то было.

Я проснулась оттого, что с меня стаскивали одеяло. За окном клонился к завершению октябрь, и не могу сказать, что в комнате было особенно жарко. Потому замерзла я быстро и с неудовольствием поежилась. Пошарила рукой и нашла край одеяла уже в ногах. Дернула – и сразу поняла, что оно за что-то зацепилось. Дернула второй раз – и услышала грохот, от которого сон улетучился мгновенно, а сама я тотчас оказалась на ногах, минуя все прочие стадии.

На часах светились в ночи красные цифры «03:11».

Даже в темноте я разглядела, что тонкое пестрое одеяло как-то странно намотано на ручку новой куклы... Которая вовсе уже не сидела в кресле, а, упав навзничь, валялась на полу возле моей кровати.

– Чертовщина... – пробормотала я.

А потом сама себя уговорила, что кукла просто упала. Наверное, усадила я ее неустойчиво – вот она и свалилась, да еще и одеяло мое зацепила при этом. Да. Не спрыгнула же она с кресла и не подошла ко мне сама на своих маленьких кукольных ножках?..

Полминуты я себя в этом убеждала и, наконец, убедила. Сделала робкий шаг. Медленно-медленно, готовая ко всему на свете, подняла Доротею с пола. Ничего не произошло. Си-

ние с золотыми искрами глаза невозмутимо смотрели поверх моего плеча. Кукла как кукла. Я осторожно пригладила ее растрепавшиеся рыжие кудри и цокнула языком, отругав сама себя. Головка ведь фарфоровая: запросто могла разбиться! И это стало последней моей здравой мыслью, потому что в следующий миг Доротея скосила свои стеклянные глаза на мое лицо. И тут же вернула их на место.

Самое забавное – я тогда даже не шелохнулась. Тупо смотрела на фарфоровое личико и гадала, сделает ли она глазами так еще раз? Сделала. А потом приоткрыла карминово-красные губки, будто хотела что-то сказать. Только я не услышала.

Дико вскрикнув – так, что, наверное, меня услышала мама в Магнитогорске, – я отбросила куклу в сторону. Опять, минуя промежуточные стадии, оказалась с ногами на кровати. Как щитом отгородилась своим пестрым одеялом и первым делом потянулась к мобильнику. Кого вызывать? Полицию? Скорую? Или сразу психушку? Так и не решив, я попятилась. Хорошо помнила, что входная дверь из съемной квартиры-студии за моей спиной – каких-то десять шагов. Лишь бы дьявольское создание не бросилась на меня прежде.

А она могла... я собственными глазами видела, как кукла перегнулась пополам своим тряпичным тельцем и села на ворсистом ковре. Медленно, будто через силу, так, что в тишине я слышала хруст фарфора, повернула голову. Снова разомкнула карминовые губки:

– Маргарита... – позвала она тоненьким, обманчиво-детским голоском. – Ты должна отнести меня к девочке, Маргарита. И не вздумай больше орать, как дура. Маргарита!

Нарисованные брови хмурились: кукла была мной недовольна.

Наверное, у меня больше не осталось сил, только поэтому я не заорала снова. Лишь швырнула в нее пестрое одеяло, а мобильник, увесистый айфон в корпусе с алюминиевой рамкой, решила оставить, чтоб было чем отбиваться в самом крайнем случае. И в какой-то момент даже подумала, что он не наступит, этот крайний случай – лопатки мои прижались к двери. И я, не медля больше ни секунды, повернула ручку да бочком-бочком выбралась вон...

Захлопнула за собой и снова попятилась, пока не приросла спиной к новой стенке, и только здесь, наконец, перевела дух.

Что это было? Я запоздало ущипнула себя за руку и лишний раз убедилась, что не сплю. И еще я успела пожалеть, что хотя бы джинсы не догадалась захватить или тапочки: холодно. Да и глупо стоять на лестничной площадке босиком, в пижамных шортах да майке-тельняшке. Разумеется, как только я это обнаружила – услышала чужие шаги. А через миг на меня едва не налетела незнакомая тетка. Не соседка. Ну точно не соседка – одета она была черте во что: в темно-коричневое глухое платье и нелепый белый фартук с кружевами. А в руках держала подсвечник, самый настоя-

щий, бронзовый, что ли... Что самое забавное, смотрела она на меня так, будто это я сбежала с костюмированной вечеринки, а не она. А потом девица задала вопрос, на который я в самом деле не нашлась, что ответить:

– Ты откуда взялась?

«Это ты откуда взялась?!» – собиралась уж парировать я – но отвлеклась.

Только сейчас я осознала, что помещение это не очень-то похоже на лестничную клетку в нашем доме. Вместо штукатуренных стен с накарябанной надписью «Ангела – дура» – обои в безвкусный цветочек. Вместо яркого электрического освещения – глухая тьма, которую лишь слегка разряжал свет от восковой свечи в руках женщины.

На месте же стальной двери моей съемной студии теперь была ярко-белая солидная деревянная дверь с золоченой резьбой и шарообразной ручкой. «KG» было выгравировано на той ручке. Я ни о чем не думала тогда, просто повернула ее и толкнула дверь внутрь.

Это оказалась уже не родная квартира-студия. Это было место, которое я никогда прежде не видела. Здесь даже пахло иначе. И первое, что я сумела выхватить взглядом – дьявольская Доротея, как ни в чем не бывало сидящая на узкой гладко заправленной кровати. Она улыбалась и, чуть наклонив фарфоровую головку, требовательно смотрела мне в глаза.

Все-таки нужно было вызывать психушку. Или еще не

поздно? Айфон я по-прежнему крепко прижимала к груди обеими руками.

– Так это же барышнина кукла! – воскликнула за спиной тетка в фартуке. Вбежала внутрь и неделикатно сунула Доротею себе под мышку. – Так вы гувернантка, что ли, новая?! Так и сказали б сразу – а мы куклу эту уж ищем, ищем по всему дому... Идемте! Да накиньте на себя что-нить, а то стыдоба.

– Чего?.. – только и сумела переспросить я.

А женщина всплеснула руками. Принялась ворчать себе под нос и, покрутившись в темноте, нашла какой-то балахон снова в дурацкий цветочек – еще более нелепый наряд, чем ее фартук. Но сил сопротивляться у меня не было, и она через голову накинула это одеяние на меня.

– «Чего»... – передразнила женщина. – Рубашку, говорю, хоть накиньте. Вы нерусская, что ль?

Да я-то русская. А вот она говорила странно, как будто с акцентом. Но слышала я ее словно через слой ваты. И все пыталась решить, что мне делать. Позвонить в полицию? Бежать подальше из этого дурдома? Или все-таки подождать, когда все прояснится хоть чуть-чуть? Еще теплилась у меня надежда, что это все-таки сон. Ну или чей-то дурацкий розыгрыш: мой бывший муж как раз отличался чувством юмора, не имеющим никаких границ. Лишь поэтому я и позволила провести себя через темный ночной коридор к некой барышне.

А барышней оказалась самая настоящая девчонка лет девяти. Худенькая, с огромными голубыми глазищами и копной светлых подвитых волос. Она сжалась в комок на огромной кровати с тюлевым балдахинном, обняла себя за колени и, озираясь, хныкала:

– Пусть уйдут... скажите им, пусть уйдут...

Она говорила это не нам.

Девочка как затравленный зверек смотрела в пустые углы своей спальни и велела «им» уйти. Это совсем не было похоже на игру или розыгрыш. Это было похоже на что-то, отчего у меня по позвоночнику пробежал вихрь мурашек – а женщина в фартуке, неловко мявшаяся у порога, начала вдруг размашисто креститься.

– Я пойду, мне там надо... а вы уж сами управитесь... – проблеяла она и неловко сунула куклу мне прежде чем бежать.

– Доротея! – Тут же воскликнула девчонка и так неподдельно обрадовалась, что мне ничего не оставалось, как отдать ей эту куклу. – Доротея, милая моя, как же я рада, что ты нашлась!

Хотя бы про «них» она как будто забыла.

Я жадно оглянулась на порог, но женщины в фартуке уже и след простыл.

Девочка обнимала мою куклу крепко, жалась к ней, как к единственной защите – а плечи мелко дрожали. Она обнимала ее и продолжала плакать. Как-то совершенно не по-дет-

ски плакать. Я всегда только морщилась при виде капризничающих детей и торопилась уйти подальше, а тут... это ведь не просто капризы. Не какая-то некупленная игрушка, и не запрет на сладости. Что же за горе такое случилось у этой розовощекой красивой девочки, одетой в шелк и кружева?

– Не плач, – неловко попросила я и села к ней на кровать. – Ну хочешь, я оставлю Доротею тебе. Хочешь?

Девочка еще раз всхлипнула и впервые подняла заплаканное личико на меня. Глаза у нее были такие же как и слезы – не детские. Вместо ответа она мелко закивала, а вслух громким шепотом произнесла:

– Они здесь. Они смотрят на меня. Прогоните их... пожалуйста, прогоните...

И, ахнув, подняла глаза точно вверх моей головы.

– Они... здесь? – сглотнув, переспросила я. – За моей спиной?

Она медленно кивнула, не опуская взгляда.

Моей спины тогда и правда коснулось что-то холодное – я не видела, но готова была в этом поклясться. А волосы у висков шелохнулись от ледяного дыхания...

Не знаю, где я набралась смелости, но все-таки обернулась.

Никого.

Прошлась взглядом по ночным стенам, затянутым розовым переливчатым шелком. Ощупала глазами огромное золоченое бра на стене с пятью торчащими из него свечами.

Нет, все-таки не свечами – светильниками, стилизованными под свечи. Хотя, где-то в конце XIX века, если мне не изменяет память, как раз уже начали пользоваться светильниками – газовыми, а то и электрическими, не помню.

Было здесь много всего, но одного не было точно. Никаких загадочных «их», которые якобы дышали мне в затылок. Даже в самых темных углах пусто.

– Здесь нет никого, – с сомнением сказала я тогда.

А девочка по-взрослому упрямо качнула головой:

– Они здесь. И они смотрят.

– И пускай смотрят, – вдруг нашлась я. – Тронуть тебя они все равно не посмеют. А если и посмеют, то я их прогоню.

Она снова качнула головой:

– Ты не сможешь. Никто не сможет. Даже когда батюшка Гавриил приходил, то они ушли лишь ненадолго – а потом вернулись.

– Я сказала смогу – значит, смогу!

Вообще-то у меня кровь стыла от таких разговоров, но я изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал.

Чтобы девочка поверила, я даже поближе подтащила кресло, оказавшееся невероятно удобным, и забралась в него с ногами в полной готовности защищаться от неведомых «них». Я смирилась. Решила, что дождусь, пока девчонка уснет, найду кого-нибудь и выясню, что за чертовщина здесь творится.

Не вышло. Кресло было слишком удобным: не знаю, как

девочка, но я пригrelась и уснула очень быстро.

А проснулась оттого, что утреннее солнце загородила от меня чья-то тень. Я поморщилась во сне. Тень угрожающе кашлянула, и пришлось открыть глаза. Нет, все-таки это был не сон. А если розыгрыш, то он порядком уже затянулся и начал меня утомлять.

– Новая гувернантка, я полагаю? – спросила «тьень» низким женским голосом. – Кто вас нанял? Господин фон Гирс?

Дальше я уже не слышала.

– Хватит! – рявкнула я, поднявшись во весь свой рост. – Это вас кто нанял? Прекратите этот цирк! Хоть бы ребенка постыдились втягивать!

Женщина была примерно моих лет: высокая фигуристая шатенка с гладко зачесанными волосами и в черном строгом платье, отлично, надо сказать, стилизованном под начало XX века. Пожалуй даже, что это настоящий шелк. Да и актрисой она оказалась отменной, профессионалка, наверное. И все же после того как я приперла ее к стенке, продолжать было бессмысленно, и с полминуты женщина не знала, что и сказать. Глупо хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Вот-вот она должна была сдаться: жалко улыбнуться и сказать «Сюрприз!». Ну или что-то в этом роде.

Только она этого не сделала.

Лицо незнакомки вдруг исказилось злобной гримасой, а по щекам пошли красные пятна. Руки она сжала в кулачки и аж затряслась, перед тем как рявкнуть так, что ее голос эхом

вознесся к расписному потолку:

– Вон! Немедленно убирайтесь вон!

– Дурдом какой-то... – прокомментировала я.

С жалостью поглядела на свою куклу, которую прижимала к себе давно проснувшаяся девочка. Но не отбирать же у ребенка? Я отчаянно махнула рукой и, как была, босиком и в дурацкой ночной рубашке, больше похожей на парашют, бросилась к дверям.

Была я тогда уже в нешуточной панике: блестящий отполированный паркет, мрамор как во дворце, колонны, изящная музейная мебель, какой можно лишь любоваться, но не пользоваться. Я озиралась, придерживала свою рубашку, чтобы не споткнуться, и все бежала из комнаты в комнату, не зная, есть ли выход из этого ада...

А потом увидела лестницу. Огромную, с двумя поворотами, тоже мраморную, покрытую пушистым ковром. Внизу – просторный вестибюль, со сводчатыми, украшенными росписью и лепниной потолками. Здесь я порядком растерялась, поскольку укрытая ковром дорожка расходилась аж на три стороны. Бросилась, было, туда, где по логике вещей должен быть выход – но дорогу мне перегородил седенький благообразный господин в черном костюме-тройке. Я шарахнулась от него, как от чумного, и свернула в левый проход. Толкнула ближайшую дверь – заперто. Просочилась меж кадками с зелеными пальмами и – о, слава всем богам, увидела стеклянную дверь, выводящую, наконец, наружу.

Я вышла и оказалась в осеннем, пестрящим золотом и багрянцем парке...

Парков-то в Питере сотня – но такого я еще не видела. Ни собачников, ни студентов, ни окурков, ни семечной кожуры под ногами. Только голуби прогуливались по мощеным коричневым камнем дорожкам да... ох ты ж, ё-оперный театр... павлин. Настоящий павлин с огромным павлиньим хвостом шел мне навстречу и укоризненным взглядом требовал уступить дорогу. Я уступила и долго еще смотрела ему вслед, пока он не скрылся в зеленой оранжерее. Потом я закрыла рот и кое-как добралась до фонтанчика – брызнула себе на лицо холодной водой. И почти не удивилась уже, увидав, что все три чаши фонтана, из которых одна в другую перетекала водопадом вода, инкрустированы голубыми и розовыми камнями. Хотя композиция из камней (надеюсь, это просто хрусталь), что была на верхушке фонтана, меня все же заставила полюбопытствовать. Несколько крупных ярко-розовых кристаллов, сверкающих на солнце, были собраны в цветок, наподобие розы, и обрамлены тончайшими металлическими с перламутровым отливом листками. Более того, когда я коснулась металлических листьев – оказалось, что они свободно, с тихими щелчками вращаются вокруг «розы» и пускают в воду фонтана изумрудно-зеленые отсветы.

Я снова попятилась, еще пытаюсь восстановить дыхание после бега.

Одна радость, все когда-нибудь кончается: вот и парковая дорожка уперлась в кованые ворота с уже знакомым вензелем «KG», а за ними... Господи, я никогда не думала, что так обрадуюсь серым обшарпанным стенам питерских домов и шумной, пропахшей бензином улице. Кажется, я даже прослезилась. Бегом преодолела оставшиеся десять метров, выбралась за калитку на улицу и... от ужаса чуть не села на землю.

Мимом меня пронесся, едва не задев, старинный музейный автомобиль.

А ему наперерез – коляска, запряженная самой настоящей лошастью.

А потом меня облаяла собачонка, которую выгуливала старушенция, одетая еще похлестче, чем нагрубившая мне дамочка. Дурдом продолжался.

Я по дуге обошла собачонку. Хотела было обернуться на ужасно раздражающий длинный гудок за своей спиной – но тут меня с огромной силой что-то толкнуло в бок, и я полетела на мостовую.

Попасть в прошлое, чтобы через пару часов помереть там под колесами автомобиля. Это, пожалуй, могло приключиться лишь с такой неудачницей, как я.

Глава 2. Брат и сестра

– Она умрет? Умрет? Гришечка, пожалуйста, скажи, что она не умрет! Ох, Господи, я этого не вынесу...

– Она не умрет.

Вслед за слухом, проснулось мое обоняние, и от резкого запаха прямо под носом (видимо, нашатырь) я тотчас открыла глаза. Голова раскалывалась на части, и я долго не могла сфокусировать зрение на лицах, склоненных ко мне.

Их было двое. Блондинка лет двадцати пяти, хорошенькая, с аккуратным вздернутым носиком и заплаканными небесно-голубыми глазами. Второй – мужчина постарше. На его лице – резком, грубом, с изломанной линией носа и тяжелым небритым подбородком – я не нашла и намека на мягкие, привлекательные черты девушки. И все-таки, пока они горячо спорили над моей головой, прежде всего подумала: брат и сестра.

Слишком светлые, прозрачно-голубые глаза мужчины смотрели на меня хмуро и выжидающие. Что-то мне подсказывало, что заботит его вовсе не мое здоровье. А жаль: красавцем мужчина не был, но что-то заставляло меня возвращаться взглядом к его лицу снова и снова.

– Это вы на меня наехали? – хрипло спросила я у него. Больше желая проверить, могу ли еще говорить, чем услышать ответ.

Но он и не ответил, а дамочка-блондинка, всхлипнув еще раз, пискнула:

– Это я... Простите. Ради бога простите, я уже поклялась Грише, что в жизни больше не сяду за руль авто.

– Ты уже пять раз клялась, Кики, – отмахнулся ее брат.

– Вы переехали пятерых?

– Нет-нет, вы первая! Раньше я сбивала только цветочные клумбы...

Я откашлялась, прогоняя хрипоту, и попыталась сесть, чтобы получше осмотреться в комнате. Увы, мне и удар головой о мостовую не помог: это по-прежнему была не комната, а зала с обитой парчой мебелью и шелковыми стенами. Правда... то ли мне вспомнилась дорога, по которой меня везли в бессознательном состоянии, то ли шестое чувство проснулось, но я вдруг явственно поняла: это не тот дом, где я была прежде.

– Куда вы меня увезли? – почему-то испугалась я. – Зачем вы меня увезли?!

Брат с сестрой переглянулись, и на этот раз заговорил мужчина:

– Успокойтесь. – Голос у него был под стать лицу: резкий, грубоватый – но неожиданно приятный уху. – Вы у меня дома, и вам ничего не грозит. Позвольте, как я могу к вам обращаться?

– Марго.

– Так вот, Марго, мне показалось, вы не хотели оставаться

в особняке фон Гирса, – он подозрительно прищурился. – Вы были босиком и, простите, в ночной рубашке, когда убежали из ворот. И торопились так, словно за вами черт гонится.

– Ну да... – признала я нехотя.

А мужчина будто этого и ждал – навис надо мной, опершись на спинку софы, и еще крепче вперился в меня взглядом:

– Он силой вас удерживал?! Похитил и не давал уйти? Его здесь нет – мне вы можете сказать правду! Я журналист и помогу вам, если скажете правду!

– К-какую правду?..

– Ох, Гриша, ты совсем запугал бедную девушку! – вступилась блондинка. – И, право, какие глупости ты говоришь: будто Георг кого-то похищал. Я даже слушать этого не стану!

– Меня никто не похищал, – вынуждена была признать я.

Ответ мужчине не понравился, и он, резко перестав играть в благородство, гаркнул:

– Тогда почему вы оказались на улице в таком виде?! Зачем вы его покрываете? В следующий раз он просто убьет вас – этого добиваетесь?!

– Гриша, Гриша... – оттащила его сестра. – Что такое ты говоришь, прекрати! Георг никого не убивал и не собирается убивать! Но правда... – она повернулась ко мне, – отчего вы оказались на улице в таком виде? И кто вы? Я никогда прежде не видела вас у Георга.

И снова они оба смотрели на меня и молчаливо требовали

ответа. А что я могла им сказать? Я бы и сама не отказалась узнать, что за чертовщина здесь творится – и где я, и как я здесь оказалась.

А еще у меня невыносимо болела голова...

Я поерзала на месте, удивляясь, до чего же удобная мебель в этом странном мире, облизнула пересохшие губы – и решила сказать правду. Будь что будет!

– В общем... – начала я.

И меня прервал неторопливый стук в дверь.

– Простите ради бога, Григорий Николаевич, – в комнату сунулась голова девицы в чепце, – там в передней господин. Вас спрашивает.

– Какой еще господин? – наорал Григорий Николаевич на горничную. – Гони его к черту, некогда.

– Да я бы и прогнала, но он говорит, что, ежели не впустите, то он в полицию пойдет жаловаться. Говорит, барышне, что вы нынче в свои апартаменты привели, – она многозначительно скосила глаза на меня, лежащую на софе в одной ночной рубашке, – приходится родным братом.

– Чего?! – не сдержалась я.

В Магнитогорске остались две моих младших сестры – но братьев у меня нет даже двоюродных.

Новых знакомцев факт наличия брата у «барышни» в неглиже тоже немало удивил. Григорий Николаевич нахмурился еще суровей, прошелся вокруг моей софы, заложив в карманы брюк крепкие жилистые руки, и велел, наконец.

– Зови сюда. Поглядим, что там за брат.

– Да, поглядим, – согласилась я и перед встречей с родственником даже натянула сорочку на порядком оголившись ноги.

А когда «брат» вошел, стремительно распахнув дверь, я и вовсе лишилась дара речи. Я сошла с ума. Я точно сошла с ума: говорила мне мама, не сидеть столько времени за компьютером. Господи, что же будет со всеми моими куклами, когда меня сдадут в психушку?..

– Ну слава богу, Маргарита, ты жива – я все больницы в округе оббежал! Я же говорил, милая, ты больна еще, и не следует тебе пока выходить на улицу. Напугала всех до смерти!

Этот Яков, парень с бургером, который продал мне Доротею, теперь был одет как какой-нибудь доктор Ватсон из советского фильма – и вел себя так, будто мы знакомы сто лет.

Нависнув над софой, он по-отечески погладил меня по голове, а потом скорее снял пиджак, чтобы прикрыть мои плечи.

– Я бесконечно признателен вам, господа, что позаботились о Маргарите. Как я могу вас отблагодарить?

Спасители мои (или похитители – пока не разобралась) смотрели на Якова почти так же подозрительно, как я. Кики с затаенным в глазах страхом; Григорий Николаевич – свысока, надменно скрестив на груди жилистые руки. К слову, он на английского джентльмена не походил совсем: рукава

мятой рубашке закатаны по локоть, сюртука вообще нет, соломенного цвета волосы взлохмачены, на лице щетина.

Да и манеры оставляли желать лучшего.

– Драгомиров. Журналист, – наконец, представился он и качнул головой в сторону блондинки. – Екатерина Николаевна Вишнякова, моя сестра. А вы... с кем имею честь?..

Названный братец понимающе поклонился:

– Я не представился, простите... Лазарев Яков Иванович, врач. Моя бедная сестра была сильно простужена, а едва пошла на поправку – как видите, снова ей сделалось дурно.

Я все еще не могла вымолвить ни слова, только глупо крутила головой от одного мужчины к другому. Григорий же Николаевич был полон скепсиса.

– Я видел, что ваша сестра выбежала из ворот особняка фон Гирса, – с обычным своим подозрительным прищуром сообщил он.

– Разумеется, – быстро нашелся «братец», – ведь Маргарита – новая гувернантка дочери господина фон Гирса. Господин фон Гирс был так любезен, что позволил Маргарите остаться, пока она больна.

Драгомиров-журналист вопросительно оглянулся на сестру:

– Это правда, Кики? Она гувернантка?

– Ах боже мой, я не знаю, Гриша... – всплеснула она руками. – Что прислуга, что гувернантки меняются у Георга чаще, чем мода на фасоны шляпок! Марго, милая... – Кики

присела на край софы и заботливо взяла меня за руки, – скажите, дорогуша, вы и правда новая гувернантка Наденьки?

Ну вот – теперь внимание всех троих было обращено на меня, и молчать дальше было б совсем уж глупо. Чего доброго, и правда примут за умалишенную. Но что же мне сказать?! Правду – что я не знаю никакой Наденьки и работаю веб-дизайнером, а не гувернанткой?

Этот Яков, самозванный братец, стоял за спинами у всех, и, даже не встречаясь с ним глазами, я знала – сожрет меня на месте как тот бургер, если я скажу свою чертову правду.

Ужасно – но в этом диком мире он единственный мой союзник. Значит, надо подтвердить его ложь...

И я кивнула.

– Да. Я новая гувернантка Наденьки. Видимо, от лекарств мне стало дурно... я плохо помню, что произошло, и как я оказалась на улице.

Яков шумно перевел дыхание. Выходит, и правда переживал о том, что я скажу. Зачем я ему понадобилась, интересно?

– И этот господин действительно ваш брат? – спросил на сей раз грозный Григорий Николаевич.

Маленькая ложь всегда тащит за собой среднюю, средняя – большую, и так до бесконечности. Пока не окажется, что ты завралась настолько, что сама уже начинаешь верить в вымысел.

– Да, – удивительно легко ответила я. – Этот господин –

мой брат, я зову его Яшей. А сама я – Маргарита Ивановна. Да. И всю свою жизнь я мечтала стать гувернанткой у Наденьки, так что теперь безмерно счастлива. А теперь можно мы с Яшей уйдем? Кажется, мне пора принимать мои лекарства...

Удерживать нас не стали. Кики любезно подарила мне пару тесноватых ботинок, потому как на улице осень, а я босиком; и Яков, крепко держа меня под руку, поскорее увел. Я даже не сопротивлялась, когда он усадил меня в закрытый конный экипаж. И сама не понимала, почему так спокойно. А потом совершенно некстати усмехнулась:

– Маргарита Ивановна? Серьезно?

Яков пожал плечами:

– Я сказал первое, что на ум пришло – ситуация экстренная, не было времени подготовиться. Напрасно вы, Марго, удалили мой телефонный номер, я ведь предупреждал.

– Как будто здесь есть мобильная связь... Или, может, антенна «Теле-2» притаилась вон там, на крыше той трехэтажной высотки?

– Здесь нет мобильной связи, но, поверьте, я бы с вами связался.

Спорить смысла не было: если уж ему удалось перенести меня сюда из XXI века, то что говорить о связи.

– Где я нахожусь, хотя бы?

– Санкт-Петербург. 1913 год, ноябрь. В марте Романовы отпраздновали трехсотлетие своего дома, в апреле вы-

шел первый номер марксистской газеты «Правда», а Малевич недавно начал работу над своим «Черным квадратом». Кстати, вам несказанно повезло, Марго, нынче вечером премьеры кинематографической комедии «Домик в Коломне» – по Пушкину. Совершенно очаровательная вещь.

– По Пушкину... – Вот тут-то терпение мое и достигло предела. Я покусала губу в последней попытке себя сдерживать – а потом плюнула на все и гаркнула: – Что за чертовщина здесь происходит?!

Яков поморщился. Поднялся, чтобы плотнее закрыть окошко кучера, потом сел напротив и долго с осуждением смотрел мне в глаза. Напрасно: я чувствовала только злость, а не стыд за истерику.

– Вы уже виделись с девочкой, Марго.

– Странная девчонка, которая видит монстров?

– Да, она. Ей нужна помощь, Марго. Ваша помощь.

– Почему моя?

По минутному замешательству Якова я догадалась, что он и сам этого не знает толком. Однако нашелся быстро:

– Потому что у вас есть дар.

– Какой? – я скептически изогнула бровь.

– Подробности я не знаю: моей задачей было лишь найти вас и доставить к девочке. *Они* сказали мне, что вы сами все знаете. Или поймете очень скоро.

Бред какой-то... Я не придумала, что ответить на такое заявление и не меньше минуты просто смотрела в окно, на

бурлящий жизнью Петербург 1913 года. А мысли мои металась в голове в безумном сумбуре. Если бы не многочисленные рекламные вывески с «ятями» за окном, я бы точно решила, что этот Яков – сумасшедший, от которого нужно держаться подальше.

– Нет у меня никакого дара, – устало вздохнула я и потеряла ломящие от боли виски. – Я самая обыкновенная неудачница, уже разведенная в свои двадцать семь, играющая в куклы и ненавидящая свою работу. *Они* – кем бы они ни были – ошиблись. Я не смогу помочь этой девочке, даже если б хотела.

А Яков вдруг снова пересел ко мне. Серьезно посмотрел мне в глаза и, не успела я даже ойкнуть, поднес руки к моим вискам. Немного прижал теплые ладони к коже.

Странное это было ощущение... Легкий гул, то нарастающий, то стихающий. И я практически видела, как боль из ушибленной головы густой тягучей массой перетекает через руки – к нему. Причиняя ему мучения все те же, что чувствовала я. Я резко отстранилась. Боль не ушла совсем, но стало значительно легче.

– *Они* не ошибаются, Марго, поверь мне.

– Кто – *они*?

– Для тебя и так слишком много новостей на сегодня. Я и не думал, что ты ударилась головой так сильно: отвезу тебя в дом фон Гирса, до вечера ты должна поспать и прийти в себя. А часов в восемь я зайду за тобой – сходим в синематограф.

Там и поговорим.

Я упрямо мотнула головой.

– Сегодня вечером я собиралась съесть свои суши и посмотреть новую серию «Теории большого взрыва». Все!

– Прости. Испортил тебе вечер.

– Я не собираюсь тебя прощать! – Я сама поднялась и принялась стучать ладонью в окошко к кучеру, требуя, чтобы тот остановился. – Ты меня сюда отправил, ты и возвращай назад! Какое право ты или эти твои «они» имели вмешиваться в мою жизнь?! Я этого не просила! И дара никакого не просила! Верни меня домой сейчас же – я с места больше сойду!

А когда экипаж все-таки остановился, тотчас спрыгнула на мостовую с твердым намерением и правда не сходить с места. Только не учла, что этот мужлан раза в три был сильнее меня: грубо схватил за локоть и через дорогу потащил куда-то в совершенно неприглядную темную питерскую подворотню. Открыл буквально первую попавшуюся дверь и толкнул меня внутрь.

И я обмерла...

Не думала, что способна так обрадоваться своей маленькой квартирке-студии. Я действительно оказалась дома: крохотная прихожая, слева сразу шкафы с куклами – чтобы увидеть их первым делом, как войду. Вот коробочка из-под роллов, что ела я накануне, вот стол с ноутбуком и блокнот с набросками по последнему заказу. А Доротеи в кресле уже нет. Или *еще* нет – не знаю...

Смотреть в сторону кровати я себе запрещала. Боялась. Набравшись храбрости, все-таки повернула голову – сперва на прикроватную тумбу, где замерли на часах красные цифры «3:10». А потом – на кровать.

Марго, то есть я, крепко спала, укутавшись в пестрое одеяло и зарывшись в подушки. И она не дышала.

Сперва я подумала, что мне показалось, и подошла, чтобы прислушаться, приложить пальцы к губам. Ничего. Она и правда не дышала! И пульса не было, хотя кожа казалась теплой.

– В этом мире время для тебя остановилось, – ответил Яков, когда я в панике на него оглянулась. – Посмотри на часы.

Горящие в темноте цифры по-прежнему показывали «3:10». И не мигали даже, будто сломаны.

– Я что – умерла?.. – спросила я, едва ворочая языком от ужаса. – Это так происходит на самом деле?

– Нет, – заверил Яков, хоть и после некоторой заминки, – для тебя время замерло в прямом смысле. И пойдет снова лишь после того, как ты сделаешь, что должна. Ты проснешься в своем мире как обычно – вернешься к своим заказам, сериалам и куклам. Ты даже помнить не будешь ничего, что с тобой произошло *здесь*.

– Как будто это все сон?

– Да, как будто сон.

Пожалуй, это меняет дело: я люблю сны. Тем более, та-

кие красочные и правдоподобные. Это даже здорово – во сне пройтись по Невскому проспекту начала XX века.

Пока я немного успокаивалась, Яков вдруг по-свойски прошел по моей квартире – в сторону ванной:

– Раз уж мы здесь, тебе нужно приодеться, – сказал он, – негоже второй раз появляться в доме фон Гирса в одном исподнем.

И толкнул дверь. А за ней – я обмерла второй раз, потому что за ней была не привычная моя душевая кабина, а огромная гардеробная, битком набитая самыми разнообразными нарядами этой эпохи. Внизу столь же впечатляющая полка с обувью, а наверху – шляпки невообразимых фасонов.

Самое интересное, что свет Яков зажег, щелкнув моим выключателем.

– Хорошо, я приоденусь, раз ты так просишь, – я с благоговением погладила шелковую насыщенно-малиновую ткань одной из юбок. – Но только в интересах дела – запомни.

– Ну, не буду тебе мешать, – хмыкнул Яков и собрался уже закрыть дверь ванной – но вдруг усталое вздохнул: – что ты делаешь?!

А я, взяв свою сорочку-парашют за нижний край, намеревалась наконец-то от нее избавиться.

– Раздеваюсь... Или мне надевать шелковое платье на это безобразие?

– Именно! Постой, ты понятия не имеешь, как одевается дама нашей эпохи, да?

Я неловко пожала плечами, признавая очевидное. Откуда бы мне это знать? В школе по истории у меня была пятерка исключительно потому, что я лучше всех закрашивала контурные карты. В этом я сильна, да.

Яков был в замешательстве – пока я грубовато не прикрикнула:

– Ну что ты там стоишь, помоги мне! Ты-то наверняка знаешь, что за чем надевать и куда крепить вот эту штуку.

Мне показалось, или Яков немного смутился?

– Брось... – разозлилась я. – Не знаю, что у вас там за тайная организация, но только не говори мне, что ты ни разу не видел голой женщины.

Яков кашлянул и счел важным заметить:

– Я видел голых женщин.

– Рада за тебя, милый, – потрепала я его по щеке. – А теперь помоги мне одеться.

Возиться со слоями одежды пришлось долго. Теперь я понимаю, что многочисленные горничные порхают вокруг барышень в романах вовсе не для красного словца, а потому что самой затянуть на себе корсет или застегнуть двадцать четыре (двадцать четыре, черт возьми!) мелких пуговики на спине совершенно невозможно!

Зато когда Яков закончил с этими пуговками, то даже я, вечно недовольная своим отражением, признала – выгляжу шикарно. Хотя Яков и заставил выбрать достаточно простое, до самого подбородка закрытое серо-голубое платье, а не ма-

линовое с открытым декольте, как хотела я. Мол, ты гувернантка, Марго, а не жена хозяина дома, будь скромнее, бла-бла-бла... Но выглядела я все равно отлично. Корсет все утянул, где надо, и приподнял тоже, где надо; а серый цвет самым выгодным образом оттенил мои рыжие волосы. Они у меня как раз отросли до плеч и вились от природы, так что даже получилось соорудить приличную прическу.

Хотя косметика бы конечно не помешала...

Не успела я подумать, примут ли меня за проститутку, если я чуть-чуть подкрашу губы, как за спиной грозной тенью возник Яков.

– Лак с ногтей я бы на твоём месте смыл, – посоветовал он.

– Может, мне ещё татуировку свести? – огрызнулась я, пряча помаду в карман.

Брови у бедного Якова взлетели вверх, и он совершенно жалко спросил:

– У тебя есть татуировка? Где?

– Показать?

– Не надо, – он снова смутился. – Татуировку можешь оставить – её не увидят.

– Это ещё как дело пойдёт, – вздохнула я задумчиво. К сожалению, и правда уже очень давно не было никого, кто мог бы посмотреть на мою татуировку.

И второй раз вздохнула, когда снова оглядела на себя в зеркале.

– Теперь-то ты понимаешь, что *они* ошиблись: я не та, кто вам нужна. – Сказала я уже вполне миролюбиво. – Я даже одеться сама не смогу. И по-французски знаю только «Je ne mange pas six jours²!». Ну какая из меня гувернантка для девочки-дворянки?

– Они не ошибаются, Маргарита. Выходи. Скоро уж темнеть начнет, а тебе нужно вернуться в дом раньше хозяев.

² Фраза Кисы Воробьянинова из к/ф «Двенадцать стульев»: «Я не ем шесть дней» (прим.)

Глава 3. Дом на Мойке

Еще в детстве, пока училась в школе, самым нелюбимым мной предметом была физика. Я ее ненавидела. И решать физические задачи было той еще пыткой. Однако и в детстве я понимала, что даже ненавистные физические задачи когда-нибудь решаются: все на свете решается – для этого нужно лишь время и некоторые усилия с моей стороны. Поэтому придумала для себя идеальный способ пережить трудности: нужно просто зажмуриться. Не в прямом смысле, конечно, но надо запретить себе переживать и чувствовать, запретить ныть о том, как все плохо – и четко понимать, что рано или поздно это кончится. Ну и, разумеется, методично, шаг за шагом, делать необходимое, каким бы тяжелым оно ни казалось.

Точно так я собиралась поступить и теперь, когда Яков высадил меня у главного входа в огромный особняк на Мойке – трехэтажный, серокаменный, нависающей надо мной так сурово, что я вдруг совершенно серьезно спросила:

– Это правда, что здешний хозяин – маньяк, который похищает девушек?

Наверное, мне бы сделалось легче, если б Яков в ответ расхохотался и сказал, что это чушь. Но он посмотрел на меня крайне внимательно, а потом с сомнением пожал плечами:

– Сказать по правде, я об этом фон Гирсе почти ничего не знаю, – таков был ответ. – Знаю только, что дома он почти не появляется, а всеми делами – в том числе и наймом прислуги – заведует какая-то дама, то ли его родственница, то ли жены. Вот ей-то ты и передашь свои рекомендации.

– Рекомендации?..

– Да, держи, – он всучил мне увесистую кипу бумаг.

– А если меня не наймут?

– Наймут, – заверил Яков. – А если не наймут, то у меня есть план «Б».

Не сомневаюсь. Думаю, если хозяин все-таки окажется маньяком и порежет меня на кусочки, то у Яши даже найдется план «В». Увы, дурочек, желающих по дешевке купить редкую старинную куклу найдется немало...

– А если я здесь умру? – всполошилась тогда я.

И Яков снова не обнадежил:

– Это будет не очень хорошо. Постарайся не умирать.

С тем и простились.

Ноябрь стоял теплый, ласково пригревало солнце, играя бликами на черных водах Мойки, медленно плыли пушистые облака по лазурному небу. И высилась прямо надо мной махина серокаменного дома. Не дома – дворца. Мрачного, источающего тревогу и смуту дворца. Из центральной части, балкон которой поддерживали шесть стройных колонн, исходили два крыла – видимо, с жилыми комнатами. Крыло левой части венчала изящная ротонда с такими же колонна-

ми по окружности, а справа из крайнего окна на втором этаже... я даже козырьком приложила руку, чтобы разглядеть лучше. Да, там стоял кто-то небольшого роста и смотрел, кажется, как раз на меня. Девочка? Впрочем, она быстро спряталась в тень.

Все-таки странная девчонка, очень странная.

Я приказала себе поторопиться и скорее перешла улицу. У остекленных двустворчатых дверей замерла, раздумывая, как постучать – и вдруг обнаружила маленький латунный кругляш с ручкой и заманчивой подписью: «Прошу повернуть».

Ну раз просят...

За дверью что-то тихонько тренькнуло, и, пока я дожидалась последствий, взгляд сам наткнулся на такую же латунную табличку с надписью, пестрящей дореволюционными «ятями»:

«Домъ ювелирныхъ дѣлъ мастера барона Георгія Николаевича фонъ Гирса».

И почти сразу же дверь распахнули: та самая женщина в смешном фартуке и чепце, что встретила меня прошлой ночью. На сей раз она обрадовалась мне как родной:

– Вернулись?! Ну наконец-то, заждались уж. Вы больше без предупреждения не убегайте, – перешла на шепот: – хозяин узнает – мигом выгонит! А поклажа-то ваша где? Не за нею, что ли, ездили?

– Э... привезут чуть позже, – я вымученно улыбнулась.

– Ну тогда идемте, к барышне нашей провожу. Вас как зовут-то?

Неужели и рекомендаций не спросят? Но перечить я не стала, наоборот порадовалась, что обстоятельства сложились так удачно: собеседования, должна сказать, вовсе не мой конек.

Только опять, как и сегодня утром, дорогу мне перегорюдил все тот же седенький... господин (иначе и не назовешь его) в черной тройке.

– Чем обязан, сударыня?

Голос – сама вежливость; лицо – само благолепие. Зато в тоне голоса и взгляде бесцветных колючих глазок – будто уже поймал меня на месте преступления и прижал к стенке железными доказательствами. Я сразу растерялась и начала что-то бляеть, точно зная, что рыльце у меня в пушку.

Зато не растерялась моя провожатая:

– Иди-иди, не стой на дороге, Никитич, – отмахнулась она от господина, – гувернантка это новая – уж кто-кто, а ты бы должен знать о хозяйских-то распоряжениях!

– И не подумаю, – Никитич выше вздернул острый подбородок. – Ничего хозяин о том не говорил, потому без его-ного распоряжения не пущу!

– Ну-ну! – Горничная развеселилась, – не пускай. А опосля тебе хозяин выволочку устроит, что дитя день-деньской одна сидит, без присмотру, по твоей милости. Ох, не продержишься ты долго дворецким-то, Никитич!

Никитич присмирел, даже голову чуть вжал в плечи. Что только укрепило меня в мысли, что здешний хозяин – тот еще тип. Уж лучше б дворецкий и правда выставил меня вон. А Яков пускай сам выкручивается.

Но не с моим везением...

Седенький дворецкий, поворчав для порядка, посторонился. Лишь когда я проходила мимо, он прямо в душу мне (честное слово!) заглянул своими бесцветными глазами. Я поклясться была готова, что он что-то обо мне знает. Надо с ним поосторожней.

– Да ты не бойся, – будто подслушала мои мысли горничная, – Никитич всего неделю как место получил, вот и выслуживается. А тебя все же кто нанял-то? Хозяин сам, что ли?

– Сам, – машинально ответила я – и прикусила язык. Но было поздно.

– Вон оно чего... А звать тебя как?

– Марго. Лазарева Маргарита, – припомнила я фамилию, названную Яковом.

– А я Глафира, Глашей тоже можно. Экономка я здесь – дольше всех у господина барона служу. Уж третий год пошел.

Глаша тем временем скоро вела меня по просторному вестибюлю, а я крутила головой, с интересом разглядывая расписной потолок и стены.

– А там что? – наткнулась я взглядом на проход, в который проскользнула утром. Теперь он был плотно перегородо-

жен дверью.

– Туда ходить не вздумай, – серьезно предупредила Глаша и даже тихонько тронула ручку двери, убеждаясь, что та и правда заперта. – Хозяин узнает – мигом даст расчет.

Сурово.

– А там? – я кивнула на дверь противоположную.

– И туда нельзя. Там рояль у нас, личная гостиная да апартаменты господина барона. Ежели барышня захочет помузицировать, то можно – но дальше музыкальной залы ни-ни! Поняла?

Я кивнула – но Глаша, сделавшаяся вдруг строгой, с нажимом переспросила:

– Поняла?!

– Да!

– Ты гляди – господин барон глазастых, любопытных да болтливых не держит. Мигом выставит!

Дворец Синей Бороды какой-то, – подумала я, но вслух правдоподобно заверила, что я совсем не любопытная и ни капельки не болтливая.

А Глаша продолжала экскурсию: теперь мы поднимались по той самой шикарной мраморной лестнице.

– На первый этаж, если уж прямо говорить, ни тебе, ни барышне спускаться не следует. Наверху и столовая имеется, и умывальни аж три штуки с ватерклозетами. Да и в сад с оранжереей через балкон оттудова спокойно можно спуститься. Первый этаж у нас целиком хозяйский, на третьем

прислуга размещена, а на втором детская, классная да твоя спальня будет. Это в правом крыле, а в левом на твоём этаже парадная столовая, гостиные да танцевальная зала...

– ...но туда мне тоже ходить не следует, – понятно договорила я.

– Да нет, – разулыбалась Глаша, – там как раз барышня танцами своими занимается, когда балетмейстер приходит – туда-то сколь угодно ходи.

А я все осматривалась. По этим же комнатам я вихрем пронеслась сегодня утром, но, оказывается, тогда и половины всей красоты не увидела.

Мраморная лестница, начавшаяся в вестибюле, меж этажами раздваивалась, поворачивалась на триста шестьдесят градусов, и обе ее половинки выходили на открытую галерею второго этажа. Один конец той галереи тянулся к дверям столовой, второй же (куда мы прошли) выходил к зале, названной Глашей Гобеленовой гостиной. Окна в той гостиной смотрели на черные воды Мойки, соседняя же стена со стеклянными вставками как на ладони показывала мраморную лестницу и вестибюль. Зато две другие стенки и правда были украшены гобеленами. Правда, перемежались с портретами – среди которых мое внимание сразу привлек самый большой, во всю высоту стены.

С портрета, сверху вниз, на меня надменно и неприветливо смотрел мужчина. Довольно молодой еще, лет тридцати, может быть. Глаза хоть и светлые, зеленые, но взгляд –

неимоверно тяжелый. Гладко зачесанные назад волосы, тяжелый подбородок с ямкой и сложенные в насмешку губы. По крайней мере, улыбкой *это* назвать точно нельзя. Разве что не скривился презрительно. И все же лицо его та усмешка не портила – красив. Как черт красив.

– Это и есть ваш хозяин? – спросила я, ничуть не сомневаясь, что угадала.

– Он самый, – ответила Глаша не без гордости и кружевным своим фартуком протерла несуществующую пыль на золоченой раме. – Шикарный мужчина, да?

Я опомнилась, что таращусь на него неприлично долго, и безразлично (насколько смогла) пожала плечами:

– Судя по размерам этой картинки... в общем, чую, комплексов у него полно.

Портрет был выше и шире всех прочих гобеленов, и барон был изображен на нем во весь рост – вальяжно сидящим в кресле и закинувшим ногу на ногу.

Неприятный тип, – решила я и еще раз украдкой взглянула на портрет, когда выходила из Гобеленовой.

Оставшаяся часть крыла называлась «детской половиной» и состояла из, собственно, детской спальни, комнаты гувернантки и классной – вполне себе уютным помещением для уроков, где и нашли мы мою подопечную девочку.

Подопечная, очень ровно держа спину, сидела за партой и читала книгу – однако при нашем появлении немедленно вскочила. Покорно опустила глаза в пол.

Доротея – куда же без нее – была усажена на подоконник и искоса, с затаенной усмешкой поглядывала на меня. Дьявольская кукла.

– А вы, барышня, все с книжками да с книжками – до самой ночи! – с порога запрочитала Глаша. – Вы пообедали хоть?

Девочка все-таки подняла глаза: на экономку, потом – украдкой – на меня и снова на экономку. Ответила так тихо, что мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать.

– Мне не хочется обедать, Глаша. Кроме того, к семи часам я ожидаю визита monsieur Карпова. Он обещал дополнительно позаниматься со мною десятичными дробями.

Обороты вроде «кроме того» и «ожидаю визита» меня впечатлили, врать не буду. Я подошла и бесцеремонно взглянула на обложку читаемой девочкой книги: «Сборникъ задачъ и примѣровъ по ариѳметикѣ».

Я присела возле ребенка на корточки и заглянула в глаза – небесно-голубые, открытые и чистые, совсем не похожие на глаза отца.

– Сколько тебе лет, солнышко? – поинтересовалась я.

– Ну да ладно – мешать вам не буду, – шепнула, меж тем, Глаша и скорее скрылась.

Мы обе проводили ее взглядами, а потом девочка ответила:

– В сентябре исполнилось девять, *madame*.

– Мадемуазель, – на автомате поправила я. – Как тебя зо-

вут?

– Надежда Георгиевна фон Гирс, – с достоинством ответило дитя.

Я многозначительно хмыкнула:

– Вон оно как... Надежда Георгиевна. Ну а я – Марго, будем знакомы.

Девочка, будто ее ущипнули, вдруг вскинула на меня глаза – удивленные. А я поздно подумала, что это имя, совсем не свойственное для патриархальной России, она, может, и во все никогда не слышала. Уж собиралась объяснить, но подопечная теперь удивила меня сама.

– Это значит, Маргарита? – сведя бровки, уточнила она. – Мою бабушку звали Маргаритой. Вы тоже приехали из *Deutsches Reich*?

– Нет, я приехала из Магнитогорска. Улица Красных комиссаров, дом три.

Надежда Георгиевна понимающе кивнула и уточнять ничего не стала.

Да и слава богу, потому что долго миндальничать я не собиралась: чем скорее выясню, что с девчонкой не так – тем лучше будет для всех. Ласково, но твердо я взяла ее за плечо и увлекла на мягкий диванчик подальше от Доротеи. Снова наклонилась ближе и полушепотом спросила:

– Эта кукла – Доротея. Скажи-ка, солнышко, откуда она взялась?

Девочка смутилась. Напряглась еще больше, а взгляд

небесно-голубых глаз испуганно метался по полу.

– Скажи, – чуть строже потребовала я. – Это важно!

– Я не могу... если скажу, вы разозлитесь и ее отберете.

Я шумно выдохнула. Попыталась заверить, что не разозлюсь (с чего бы мне злиться вообще?!), но девочка неожиданно твердо стояла на своем.

Хорошо.

Подойдем с другого фланга.

– Ну а монстры? – я пытливо прищурилась. – Те, что испугали тебя ночью – они и сейчас здесь?

Девочка нерешительно мотнула головой:

– Когда Доротея со мной – они уходят, – доверительно сообщила Надя. – Почти все.

– То есть, кто-то из них все-таки здесь?..

– Да. Один. Вон там на люстре.

Сама она на люстру не обернулась – взгляд застыл на моей переносице. А я несмело подняла глаза к потолку.

Люстра здесь была золоченая, с фарфором и хрустальными чашами, в которых ярко светили огоньки. Люстра была пуста.

– И мальчик тоже здесь, – снова услышала я шелестящий Надин голосок. Но он всегда здесь. Приходит, когда хочет.

– Что за мальчик? – удивилась я.

– Обыкновенный. – Надя проследила за кем-то взглядом. Голос ее стал совсем неслышным. – Он злой. Он дергает меня за косы, пока сплю. И смеется.

Я передернула плечами.

– Ты всегда их видела?

– Не помню. – Она задумалась и снова свела белесые бровки. – Нет, раньше, когда мама была жива, их не было.

– Так твоя мама... А разве та женщина – ну, которая меня выгнала – разве она не мама?

Я удивилась совершенно неподдельно: хоть девочка и мало была похожа на ту мегеру, я почему-то не сомневалась до этого мига, что они мать и дочь. Но Надя спокойно ответила:

– Нет, что вы. Это была ma chérie tante Vera. Тетушка Вера очень добрая и славная – не сердитесь на нее.

Подумав, я решила не сердиться: что уж говорить, я и сама была не очень-то вежлива. В конце концов, есть дела и поважнее, чем на кого-то сердиться.

Снова я изучила потолок и люстру самым внимательным образом. По-прежнему там никого не было. Девчонка целыми днями сидит одна, зубрит эту свою арифметику и, конечно, отчаянно нуждается в друзьях. Хоть в ком-то нуждается – лишь бы не быть в одиночестве. А тут еще и семейка: мать умерла, тетка-мегера и папаша, который, по словам Якова, дома появляется от случая к случаю. Тот еще папаша. По голове бы ему настучать за такое наплевательское отношение к ребенку!

А девочка... конечно, она выдумала тех монстров, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание.

– Как они выглядят? – спросила тогда я. – Монстры. Мо-

жешь описать?

Надя снова принялась смотреть в пол. А хрупкие плечики чуть-чуть дрожали.

– Они черные. Иногда серые. Лохматые. А еще у них желтые глаза. Страшные.

– А как они забираются на люстру? Разве это возможно, чтобы кто-то взобрался на люстру? Это даже не всякая кошка сумеет сделать! Монстров не бывает, солнышко. Почему ты дрожишь?

– Он стоит за вашей спиной.

– За спиной? – Не моргнув глазом, я свободно взмахнула рукой в пространстве позади себя. – Здесь? Ты же видишь, что здесь никого нет!

Но Надя не успокаивалась: у нее дрожали губы, а глаза были теперь на мокром месте.

– Он... он смотрит на вас! Он сейчас укусит! У него огромные зубы – уберите руку, умоляю, уберите, уберите!..

Я и сама уж была не рада, что подвязалась в психологи – такой себе из меня психолог, прямо скажем. Девочка плакала, билась в истерике, а я понятия не имела, что с этим делать...

Слава богу, из детской тотчас прибежала ее тетя – обняла крепко, и Надя начала стихать.

– Простите... прости, солнышко, я не хотела, правда, – неловко пробормотала я.

– Ах, чтоб вас! – в сердцах выкрикнула Вера. – Немедля

все расскажу Георгию Николаевичу, как только он вернется!
Ноги вашей здесь не будет, ей-богу!

Глава 4. Девочка и её монстры

Я знаю, почему продолжительность жизни в прошлом была такой низкой: люди здесь умирали от скуки. Дни мои тянулись невероятно долго, и занять их было нечем. Ни компьютера, ни телевизора, ни даже чатиков в телефоне, чтобы пообщаться с друзьями. Будь у меня столько свободного времени в моем веке, я бы, конечно, занималась куклами – шила бы что-то, мастерила им парики или перерисовывала лица – увы, многие мои старушки в этом нуждались. Но здесь и кукол моих не было! Была Доротея, но других игрушек моя подопечная Надежда Георгиевна не держала.

Дошло до того, что со скуки я начала читать! Нашла в классной библиотеке заброшенный когда-то «Вий» Гоголя и принялась ломать глаза о дореволюционные «яти»...

Не то чтобы я не любила читать прежде – но какое уж тут чтение, если мне не всегда времени на сон хватало? В студенчестве я хотя бы в метро читать успевала, а когда пересела за руль, и от этого пришлось отказаться.

Работа гувернантки оказалась совсем не пыльной. Когда я просыпалась, подопечная уже была на ногах: одетая, причёсанная и накормленная по обыкновению решала свои задачки или тихонько сидела, уткнувшись в учебник. С десяти до двух один за другим приходили ее учителя: то по словесности, то по арифметике, то по французскому, то по немецко-

му, то по танцам, то по музыке. Когда все они уходили, иногда мне удавалось с трудом (с очень-очень большим трудом) уговорить девочку спуститься в парк. При этом хоть раз уговорить ее выйти без учебника у меня так и не вышло. Заменив учебник на какую-нибудь художественную книжку не вышло тоже.

– Это ведь все не по-настоящему. Так не бывает, – полистав Жюля Верна, заметила Надежда Георгиевна. И взялась за задачник...

В парке снова-заново: она сидит читает, я брожу вокруг фонтана, разглядываю диковинные розу из хрусталя и от скуки даже пытаюсь дрессировать павлина. Именно там, пока я заставляла павлина дать мне лапу в обмен на припасенные с обеда орехи, я впервые заметила, что Надя, отвлекшись от своего учебника, за мной наблюдает. И тихонько улыбается.

* * *

Раз в два-три дня удавалось выскользнуть из дома на пару часов – для встречи с названным братцем. Шли мы обычно в кино, которое устраивалось или в залах театра, или, если было не особенно холодно, в парках прямо под открытым небом. Выяснить за прошедшие две недели мне ничего не удалось, но Яков не торопил.

– Есть новости? – неизменно спрашивал он первым делом, подавая мне рогалик в хрустящей оберточной бумаге или вазочку с мороженым. А внимание его, казалось, цели-

ком занято действием на экране.

– Не-а, – отвечала я, дивясь, до чего же здесь вкусное мороженое. И рогалики вкусные, и вообще все. Украдкой вздыхала, что при таком образе жизни (на рогаликах без всякой физической активности) я не влезу ни в одни свои джинсы, когда вернусь назад. И просила добавку.

А потом наступали вечера...

Надя просила не тушить свет в ее комнате и засиживалась с учебниками чуть не до полуночи – теперь уже не от тяги к знаниям. Ей было страшно. Она не говорила этого прямо и не хныкала – но разве слова здесь нужны? И тогда я, сменив тесное платье на просторный халат, который уже привыкла называть по-здешнему «капот», приходила с книжкой в ее комнату, устраивалась в кресле, подобрав под себя ноги, и сидела так, пока не догорали последние свечи.

Тогда неизменно приходила Вера, та самая *ma chérie tante* – она, принципиально не замечая меня, заговаривала с Надеей и сама укладывала ее спать. Мне в такие моменты полагалось молча ретироваться: я была им не нужна.

И все-таки ложиться спать я еще не торопилась... редкую ночь я не слышала плача или вскриков из комнаты девочки. Конечно, немедленно выбиралась из постели, хватала свечку (зажигать электрический свет не хотелось, чтоб не разбудить весь дом) и бежала в детскую. Как могла ее успокаивала, обещала, что Доротея никаких монстров к ней не подпустит, и вот-вот придет тетушка Вера. Девочка успокаивалась. Хотя,

порой, совсем ненадолго. Бывало, что, как и в первую ночь, я засыпала в кресле рядом с ее кроватью, а уходила досыпать к себе уже на рассвете.

Вера, кстати, ночью не приходила никогда. Спала она, кажется, на третьем этаже, где плача и криков не слышно.

– Ей бы психолога хорошего вместо меня, – пыталась я как-то достучаться до Якова после такой бессонной ночи. – Девчонка так и вовсе с ума сойдет – целыми днями одна. Даже подруг нет, кроме этой ее куклы. Еще и тетушка... не нравится она мне. Будто для вида только квохчет вокруг, а реальной помощи девчонке – никакой!

Яков упрямо мотнул головой:

– Не все так просто. Обычным разговором по душам или тем, что в твоем веке называют «психотерапией» здесь не отделаешься. – Он помялся. – На девочке проклятье, Марго. И мы не знаем, кто ее проклинал и почему.

Вообще-то я не склонна верить во всякого рода мистику, проклятия и потусторонние миры – но, черт возьми, пару дней назад фарфоровая кукла обозвала меня дурой, а теперь я сидела в платье с рюшами и смотрела премьеру фильма «Спартак» 1913 года.

– Ужасно, если так... – пробормотала я. – Так эти монстры на самом деле существуют?

Вместо ответа Яков с сомнением пожал плечами. И сразу спросил:

– Когда, ты говоришь, это с ней началось?

– Девочка утверждает, что, пока была жива мать, никаких монстров она не видела.

– Занятно. Возможно, что эти два факта связаны: надо тебе побольше разузнать о ее матушке, баронессе фон Гирс.

Легко сказать... я все еще кляла себя последними словами, что довела Надю до истерики тем разговором о ее кошмарах – а что будет, если начну расспрашивать о матери? Рисковать я не желала. Придется расспрашивать прислугу и выяснять все тайком, исподтишка.

А кого расспрашивать? Логичнее всего было поговорить с Верой – но с ней мои отношения сразу не заладились. Кто еще остается?

К слову, о Вере здешних нравах.

Невероятно трудно мне было привыкнуть к манере одеваться и, главное, к корсетам. А корсеты здесь совсем не те, что продаются у нас в отделах эротического белья. Этот был таким жестким, крепким и тугим, так впивался ребрами из китового уса, что даже через сорочку оставлял красные борозды на коже. В общем, в удовольствие я его носила разве что первые часа полтора. А на следующее утро, поглядев на это пыточное оружие, я посла его к черту, засунула подальше в шкаф и решила, что моя талия вполне хороша и без корсета. Тем более что платья и юбки, присланные мне с посылным от «братца», сели очень даже ничего.

Покрутившись в то утро перед зеркалом, я даже решила, что никто и не заметит. Но не тут-то было.

Первой, разумеется, заметила Вера.

– Так значит, вы из этих... – она презрительно сморщила носик, будто унюхала тухлятину. – Поверить не могу, что Георгий Николаевич нанял такую как вы присматривать за ребенком! Чему вы можете научить Надюшу? Одеваться как развратная женщина?

Не знаю, как принято в этом странном мире, но у нас, на Красных комиссаров, 3, дамочку, назвавшую меня развратной женщиной, я бы легко и незатейливо послала в одно известной всем русским людям место. Невзирая на ее возраст и статус. Я была готова сделать это и теперь... только в соседней комнате за незапертой дверью сидела Надюша над своими учебниками. И если дамочке было все равно, что ребенок услышит безобразную ссору – то мне нет.

В противовес Вере я постаралась не срываться на крик, а ответила довольно спокойно:

– Я постараюсь все усилия приложить к тому, чтобы научить Надюшу, что ее личный комфорт всегда важнее того, что о ней подумают.

Вера громко усмехнулась:

– Да неужели?! – И сразу перешла в наступление, подняв перед моим носом сухой и длинный указательный палец: – Запомните, милочка, вы мне не нравитесь! Как только Георгий Николаевич вернется, клянусь, ноги вашей не будет в этом доме!

Слова, слова... Я усмехнулась, уверенная, что Георгий

Николаевич уже никогда не вернется.

Как бы там ни было, нападки Веры я снесла и даже сделала это с достоинством. Но это было только начало.

Через пару дней после моего появления в доме фон Гирса, к нам явились первые гости. Некая госпожа Лобанова, которую Надюша покорно называла *grand-mère*³.

– Чванливая старая ведьма! – прошипела себе под нос Вера, с лестницы наблюдая, как *grand-mère* отчитывает Глашу, что та как-то не так приняла ее накидку.

Вера к ним так и не вышла, видимо могла себе это позволить; ну а мы с Надей вынуждены были приветствовать гостей в Гобеленовой зале. Лобанова явилась не одна, а с дочерьми (одна замужняя, вторая девица) и внуками. Дочери казались ничего еще – довольно милые особы, а вот сама Лобанова это что-то. Шумная, крикливая, вечно всем недовольная. Она привезла Надюше какие-то отрезы на платья совершенно диких расцветок и заставляла бедного ребенка переодеваться раз пять, чтобы выяснить, какой цвет ей больше к лицу. Ну и я крутилась вместе с Надей перед ними, чтобы придерживать как надо эти ее отрезы.

И каждые полминуты я ловила на себе косые взгляды и слушала смешки «милых» (как мне показалось прежде) барышек. Хотя в глаза мне они так ничего и не сказали.

В общем, на следующее утро я полезла искать злосчастный корсет... А потом позвала Надюшу, чтобы она мне по-

³ Бабушка (фр.)

могла.

– Увы, корсет и правда не очень удобен, – тихо заметила девочка, довольно крепко натягивая шнуровку за моей спиной.

– Неудобен – не то слово, он отвратительный! – проворчала я.

– Тогда зачем вы его надеваете, Марго? – спросила Надя вполне серьезно.

А и правда – зачем? И тяжело вздохнула:

– Люди... Если отказываешься принимать их правила, Надюша, то они тебя заклюют. Легче согласиться, чем объяснять, почему «нет».

– И вы боитесь, что люди вас заклюют?

– Все этого боятся, глупышка, – я игриво растрепала ее светлые кудри.

– Вы странная, – отозвалась, в конце концов, Надюша. – Не только вы, а вообще взрослые. Не верите в монстров и призраков, говорите, что можете их прогнать – а обыкновенных людей почему-то боитесь.

– Боимся, – нехотя признала я. И, вздохнув, опустила перед Надей на корточки. – Да, солнышко, взрослые и правда не боятся монстров. Потому что они слишком хорошо знают обыкновенных людей.

Позже, к слову, Надюша научила меня, как справляться со шнуровкой корсета без посторонней помощи. При некоторой шнуровке это оказалось совсем не сложно.

* * *

Было и еще одно дело, с которым я тянула невозможно долго... И все-таки одним ранним солнечным утром в середине ноября, пока Надюша перечитывала свой учебник, я решилась.

В конце концов, после той памятной ночи Доротея ни разу не заговорила и не пошевелилась. Я даже начала подозревать, не привиделась ли мне хотя бы эта часть всего произошедшего безобразия? В общем, в это солнечное утро я впервые решилась взять Доротею в руки.

Ничего не произошло.

Я осмелела и, чувствуя на спине затаенный взгляд Надюши, стала внимательно осматривать куклу. Неспроста ведь именно она стала проводником в этот странный мир? Должно быть в ней что-то.

Но с виду кукла как кукла. Головка фарфоровая с прорисованными бровками, губками, румянцем. Глаза вставные – из синего стекла. Волосы человеческие. Рыжие, как мои. Руки и ноги у куклы были деревянными, а тельце мягким, тряпичным, очень плотно набитым... понятия не имею, чем оно набито – все-таки потрошить ее настолько сильно я не собиралась. А вот одежду: кружевную шляпку и такое же кружевное, цвета выцветшей розы платье, панталоны и чулочки я все-таки сняла. Сняла аккуратно, бережно, с тоской вспоминая всех своих красавиц, брошенных где-то очень далеко отсюда...

Про кукол подобного рода я кое-что знала. Вообще, правильно их называть бисквитными, а не фарфоровыми. Бисквит – тот же фарфор, только без глазури; не глянцевый, а матовый. Если добавить в него краску, то цвета можно добиться очень близкого к оттенку человеческой кожи. Отличный материал. До появления пластика, по крайней мере.

К слову, то, что тельце у куклы тряпичное, а не из композитного материала, который вполне уже использовался в начале 1900-х, меня на сей раз удивило. Неужели барон-ювелир на павлина разорился, а единственной дочке куклу купил допотопную да еще и, похоже, с рук?

Мысль еще не успела оформиться, а я уже схватила Доротею и поднесла ближе к окну, изучая ее тельце пристально и чуть ли ни с лупой. Пока не обнаружила на обтянутом тканью тельце фиолетовые выцветшие линии чернил.

И так и эдак поворачивая ее к свету, а потом и правда раздобыв увеличительное стекло, я все-таки смогла прочесть не очень уверенный детский почерк.

– Люба Шарапова... – без голоса произнесла я.

Именно так кукла была подписана. И вариантов, кем эта Люба приходится моей подопечной, совсем немного.

– Солнышко, – позвала я задумчиво, – скажи-ка, ведь твою маму звали Любой?

Тишина.

Я обернулась – девочка не смотрела больше в книгу, ее взгляд застыл где-то на уголке письменного стола. Молчала

она долго, но вопрос мой явно расслышала. Оставив куклу, я подошла и села рядом. Без слов ждала, чтобы она ответила хоть что-то.

И девочка, наконец, прошелестела негромким своим голосом.

– Папенька не любит, когда говорят о маме. Марго, я не хочу, чтобы он и вас уволил – поэтому давайте не будем об этом.

– Хорошо... – растерялась я, не ожидая таких признаний. Смутилась, конечно, до крайности, но все-таки спросила: – Хорошо, не будем, но скажи хотя бы – это мама подарила тебе Доротею? Она? Клянусь, я не скажу ничего твоему отцу?

Кажется, целую вечность Надюша сидела без звука. А потом слабо кивнула. И сразу вскинула на меня полные мольбы глаза:

– Только не говорите папеньке никогда-никогда! Он забрет Доротею! Он все мамины вещи, все игрушки, которые она дарила, забрал... Забрал и увез.

* * *

Изверг какой-то, а не «папенька»! – негодовала я даже час спустя.

Ребенок и так осиротел, а он знать ничего не хочет о ее кошмарах, да еще и игрушки выбросил, что мать дарила. Интересно, он хоть заметит, если я вдруг заберу его дочь с собой, когда вернусь в свое время?!

Надя с учителем занималась в классной, а я выхаживала

по Гобеленовой гостиной и все бросала гневные взгляды на портрет «папеньки». Зеленые его глаза мне теперь казались дьявольскими, как у Доротеи.

Но хорош собой, с этим не поспоришь... права Глаша. И все-таки его лицо мне не нравилось: все портила высокомерная усмешка, так здорово показанная художником. Неприятный тип, даже от нарисованного взгляда мурашки по коже. Ни за что бы не устроилась работать к такому, если б у меня был выбор...

Впрочем, смазливое личико «папеньки» сыграло свою роль: я начала искать оправдания для барона фон Гирса.

Может быть, он забрал игрушки, потому что его жена умерла от чего-то заразного? Боялся, что и дочь заболит. Кстати, вполне вероятно. Насколько я помнила, еще даже элементарный пенициллин не открыли.

И только сейчас я задумалась, что ведь и правда не знаю, отчего умерла мать Нади, и когда именно она умерла... Нужно это выяснить – поспрашивать слуг хотя бы. Помнится, Глаша говорила, что работает здесь дольше всех; к ней-то я и поторопилась, убедившись, что до конца Надиного урока осталось больше часа.

– О покойной жене хозяин болтать запрещает! – отрезала Глаша, хотя я завела разговор тонко и очень издалека, как мне казалось.

Несмотря на внешность простушки, женщиной Глафира оказалась смекалистой, себе на уме и даже, порой, властной.

Главным среди прислуги по документам считался седенький дворецкий а еще личный камердинер барона – но экономка Глаша сумела каким-то образом установить в доме матриархат. Запросто, не моргнув глазом, могла наврать обоим мужчинам, что, мол, это не она так хочет, это вечно отсутствующий господин барон распорядился – а раз они его распоряжений до сих пор не знают, то грош цена им, как доверенным слугам. Мужчины, мрачно переглянувшись, очень нехотя, но подчинялись...

Глядя на ее ловкие манипуляции, я даже нет-нет, но задумывалась – а так ли страшен черт (в смысле, господин барон), как его малюет экономка Глаша? Может, на самом деле он зайка и душка, а коварная Глаша нарочно чернит его имя?

Но это вряд ли.

– Да нет же, – сделала я честные глаза, – я вовсе не из любопытства спрашиваю, а потому что, если и правда Надину матушку звали Любовь – то и кукла, выходит, ее.

– Может, и ее, откуда я знаю, – отмахнулась Глаша. – Баронесса шесть лет назад упокоилась, перед самым Рождеством – а я всего-то три года здесь.

– А откуда тогда знаешь, что перед Рождеством?

– Так я ж в тот год, в 1907, через два дома отсюда у барыни одной в камеристках ходила. Отлично помню, что перед Рождеством! А когда барыня моя померла, у господина барона как раз вакансия была открыта на экономку. Я и пошла проситься. Чего мне терять было? Думала, не возьмут,

пошлиют куда подальше... а оно вон как все. Третий год служу, повезло. Норов-то у господина барона крутой – но справедливый. Ежели все будешь делать как велено, то и сто лет прослужишь!

Что-то меня передернуло от перспективы ходить в гувернантках сто лет.

Все это время мы находились в погребке, и Глаша тщательно пересчитывала банки с соленьями, ни разу не сбившись, несмотря на мои приставания.

– Я вот думаю, – продолжала тогда я, – неспроста же барон отобрал все игрушки у девочки? Может, ее мать больна была чем-то? Тогда ведь и кукла, может, заразная... ты ничего про это не слышала?

Глаша бросила на меня быстрый и настороженный взгляд, но опять отмахнулась.

– Ничем она не болела – о том не беспокойся.

И заинтриговала меня теми словами еще больше. Отчего же умерла Любовь фон Гирс, если не болела?

– Она... не своей смертью умерла? – спросила я чуть слышно.

Глаша должна была знать. Обязана – раз работала в то время по-соседству. Только Глаша неожиданно разозлилась:

– Ты о себе не думаешь, так хоть ребенка пожалей! Выгонит же хозяин за такие разговоры и тебя, и меня – а ей опять к новой няньке привыкать?! И так каждый три месяца меняются! А все потому, что суют свой нос туда, куда не надо!

Последняя, вон, вообще додумалась – на кладбище барышню повезла, на могилку к матери...

– И за это ее уволили? Но это... жестоко. По отношению к девочке. Она имеет право знать о матери!

– Имеет-не имеет – не наше с тобой дело! У нее отец есть, вот он ей и пусть рассказывает то, что посчитает нужным!

* * *

Разговор этот произвел на меня немалое впечатление. Я изводила себя самыми жуткими версиями, что же произошло с баронессой фон Гирс. Неужто ее и впрямь убили? И кто убил? Особенно мрачными мои догадки становились, когда я вспоминала слова журналиста Драгомирова о новом моем работодателе. Что барон вполне может кого-то похитить и даже убить. Может, он и правда маньяк? Ничуть не удивлюсь, кстати.

В свете этого выискивать что-то в его огромном доме, спрашивать о его мертвой жене мне хотелось все меньше.

К слову, о Драгомирове.

Сперва я думала, мне показалось. Во второй раз я решила, что это случайность. Ну а когда в третий раз я увидела его из окна Гобеленовой гостиной, настырно сующего голову сквозь прутья в воротах особняка – сомнений уж не осталось. Он что-то выискивал и вынюхивал здесь – и вовсе не случайно стал свидетелем того, как его сестрица меня чуть не убила.

В тот день я как раз сидела у окна, опершись локтями на

подоконник и наблюдая за странным журналистом. Раздумывала даже, а не взять ли мне его в сообщники по поискам информации о баронессе? Ведь он явно что-то знал!

А потом услышала хруст фарфора за своей спиной.

Глава 5. Гостиная Маргариты

– Маргарита! – позвал мерзкий тонкий кукольный голос. – Ты ведь знаешь, что нужно делать, Маргарита!

Кукла сидела в кресле напротив окна, и, чтобы добраться до двери, мне нужно было пройти мимо.

– Даже не думай! – предупредила она мое желание. Фарфоровое лицо неведомым образом исказила злобная гримаса, отчего мне сделалось по-настоящему жутко. – Ты выйдешь отсюда только затем, чтобы пойти в Гостиную Маргариты. Поняла?!

– Чью гостиную?..

– Маргариты! Надиной бабушки. Зала в левом крыле первого этажа, ты почти дошла до нее в первый же день – но испугалась и как всегда предпочла сбежать. Потому что трусиха и дура!

– Не обзывайся... – хотела потребовать я, только голос предательски дрогнул.

– В Гостиной Маргариты ты найдешь то, что ищешь, – не слушала меня Доротея. – И ты отправишься туда сегодня же! Ты и так потеряла уйму времени!

Справившись с ужасом, я только теперь сообразила, что она от меня требует: наплевать на запреты и пойти туда, куда ходить нельзя. А мне даже думать не хотелось, что я найду в потайной комнате этого дворца Синей Бороды. В ори-

гинальной сказке глупая принцесса, помнится, не нашла там ничего хорошего.

И я вдруг осмелела:

– Прекрати указывать, что мне делать! – я робко шагнула вперед. – Ты кукла всего лишь... А может, ты вообще плод моего воображения!

А потом я осмелела настолько, что, зажав уши, поскорее обогнула кресло и бросилась к двери. А там уже, захлопнув за собой, решила, что и впрямь глупо бояться куклы. Да без моей помощи она даже выбраться из этой комнаты не сможет!

Это немного приободрило. Я оправила платье, пригладила волосы и поторопилась в классную, где вот-вот должны были закончиться занятия у Нади. Двери классной и правда были уже приоткрыты – только учителя внутри я не увидела.

Надюша сидела на ковре возле письменного стола и, глядя в пространство, неслышно с кем-то переговаривалась.

– Не трогай ее! – долетела до меня единственная фраза. – Она не такая как все, она смешная и добрая!

Потом Надя надолго замолчала и склонила голову.

– Хорошо, – не услышала я, но прочитала по ее губам...

* * *

Конечно, дьявольская кукла и часа не просидела взаперти: маленькая хозяйка всполошилась из-за пропажи, сама разыскала Доротею и после, даже отправляясь в музыкальный салон для занятий музыкой, взяла ее с собой.

Слушать, как Надя играет, я любила. Обычно моя подопечная, прежде чем сесть к роялю, шла вдоль шкафа с пухлыми нотными тетрадами, касалась пальчиками каждого из корешков, будто здороваясь, и неизменно спрашивала у меня, что бы я хотела послушать.

– Ту песенку Шопена. Двадцатую.

– Двадцатый ноктюрн до-диез минор?

Подопечная всегда с такой забавной серьезностью поправляла меня, что я просто не могла лишиться ее этого удовольствия. Надя никогда не брала ноты к двадцатому ноктюрну – она знала его наизусть. Долго и величественно устраивалась за роялем, упиралась тужелькой в педаль, а потом ждала терпеливо, пока я подниму тяжелую, пахнущую лаком крышку. Мягко, но уверенно клала руку на клавиши: сначала правую, затем левую.

Я ничего не понимаю в классической музыке. Но двадцатый ноктюрн полюбила – лишь потому, что его любила Надя. Пока она играла, я обычно, отвернувшись к окну, рисуя пальцем узоры на стекле, смотрела на черные воды Мойки и думала о всяком. И о Наде, и о ее несчастной матери, и об отце-эгоисте, и о своей дурацкой жизни. Я никогда столько не думала прежде – времени не было. У меня никогда ни на что не было времени.

Я хотела уж и в этот раз пристроиться к любимому окошку – но у окна Надя посадила Доротею, и кукла теперь с укором глядела на меня из-под ресниц. Я отпрыгнула оттуда,

как ошпаренная. И от греха подальше встала у Надиного роля, как будто ей требовалось переворачивать нотные страницы.

Я стояла так и смотрела на ряд портретов на противоположной стене.

Найти изображение Надиной матушки я уже отчаялась («папенька», похоже, все до последнего уничтожил), а здесь, кажется, висел портрет Нади. Так я думала до сего дня. Большие детские глаза, светлые кудряшки, вздернутый носик. Только минут через пять разглядывания я осознала, что девочка на портрете, хоть и безумно похожа на Надю, – гораздо старше.

– Солнышко, а это кто? – без затей спросила я.

– Это? – Надя перестала играть и обернулась. Пожала плечами: – *ma douce tante Kiki*⁴.

– Тетушка Кики?!

Еще не веря догадке, я подошла ближе, чтобы рассмотреть в упор. И осознала – да, это и правда Кики, девица, что сбила меня на авто в первый же день моего здесь пребывания.

– Папенька говорил, что Кики здесь пятнадцать лет. Я очень похожа на тетушку, правда?

– Правда, – не могла не согласиться я.

Значит, Кики – сестра барона фон Гирса. А раз журналист Драгомиров сам назвался братом Кики, выходит, он брат и барону? Ну да, у них даже отчества совпадают, оба Никола-

⁴ Моя милая тетя Кики (фр.)

евичи. Интересное кино.

Надя уже давно отвлеклась от игры, а я живо прошлась вдоль портретной галереи – но никого похожего на Драгомирова не нашла. Был, правда, один седенький господин с очень похожими прозрачными глазами и такими же тяжелыми надбровными дугами – но тот уж совсем старенький.

– Mon arrière grand-père, – сообщила Надя, ходившая за мной хвостиком.

– Чего?

– Вы совсем не знаете французского, это непорядок, – с укором покачала головой Надя. – Это мой прадедушка. Карл фон Гирс, знаменитый ювелирных дел мастер. Весь Петербург его знает, Марго. Он построил этот дом.

Ах вот оно что. И монограмма «KG», что изображена и на дверных ручках, и на воротах – это его инициалы.

– Он немец, получается?

Надюша кивнула.

– И моя бабушка Маргарита, его дочка, тоже была немкой. Только она приняла православие и стала русской, а потом вышла замуж за дедушку и стала зваться Драгомировой. Только потом она с ним развелась – и снова стала фон Гирс. И она фон Гирс, и *rara*, и Кики. – Помолчала и добавила: – и дядюшка Гриша тоже фон Гирс – только об этом никому-никому нельзя говорить, Марго!

– Я никому не скажу... А *rara* и дядя Гриша в ссоре?

Надюша печально кивнула.

– Я видела его только однажды, очень давно. Но про дядюшку много рассказывает Кики. Говорит, он хороший, просто поссорился с папенькой, а я здесь не при чем.

Может, я и смогла бы расспросить Надюшу получше, но пришла ее учительница и велела девочке сесть к роялю. А я вернулась к излюбленному окошку: журналист Драгомиров, прислонившись к перилам набережной Мойки, задрал голову вверх и смотрел, кажется, прямо на меня.

* * *

– Доротея... – Надюша ахнула, сразу всполошилась и я. – Марго, она пропала... Ведь только что была здесь! Марго, где она?!

А я сама не знала, что сказать: кукла больше не сидела в кресле возле окна. А дверь из музыкальной гостиной чуть приоткрыта... Едва не наступив на подол платья, я бросилась в вестибюль. Тоже пусто. Зато в другом конце вестибюля, прямо напротив, имелась дверь, перекрывающая левое крыло первого этажа.

Именно за этой дверью находилась гостиная Маргариты, куда принуждала меня пойти Доротея...

– Солнышко, отправляйся к себе, – велела я сколь могла спокойно, – пообедай и приступай к урокам. А я найду Доротею, честное слово найду! Только не вздумай реветь!

Надюша, у которой и правда глаза уж были на мокром месте, закивала часто-часто и, оглядываясь, все-таки ушла.

Когда просторный вестибюль опустел, я прошлась по пе-

риметру, заглядывая во все углы, за кадки с пальмами и за плотные портьеры. Для отчистки совести. Потом несмело шагнула к дверям в левое запретное крыло и нажала на ручку. Заперто.

И все-таки я знала, что Доротея там.

Я сквозь зубы чертыхнулась от бессилия. А потом, осознав всю глубину своей проблемы, чертыхнулась уже и в голос.

Вот мерзавка! Решила не мытьем, так катаньем меня взять. Ведь теперь, когда Глаша или кто-то из ее горничных найдет куклу, то мигом решит, что я ослушалась запрета. А еще и девочку отвела куда не надо, раз там ее кукла. И мне не хотелось даже воображать, что будет, если куклу найдет сам барон, некстати вернувшийся!

Неужели мне придется туда идти, чтобы ее забрать?..

И как я это сделаю, даже если захочу?

Впрочем, если Доротея каким-то образом туда проникла, то, наверное, смогу и я. Еще через минуту я кое-что вспомнила и поторопилась обогнуть парадную лестницу: позади нее имелся выход на открытую галерею, выводящую прямо в сад. Теперь я уж знала, что галерея эта тянется вдоль первого этажа, и по всей протяженности ее есть окна – высокие, до самой земли, которые горничные время от времени открывают для проветривания. Одно из таких окон я приняла за выход, когда спасалась бегством в первый день своего здесь пребывания.

Было окно открыто и теперь.

А на подоконнике лежала маленькая тряпичная роза из шляпки Доротеи. Вот чертовка, еще подсказки мне оставляет!

Но деваться некуда. Я подобрала юбку, чтоб удобнее было перелезть, шагнула – и оказалась в тесном коридорчике. Потом знакомые пальмы в кадках и вот оно, запретное левое крыло Дворца Синей бороды. Аукнется мне это еще, ох, аукнется...

– Доротея, мерзавка, немедленно выходи! – позвала я громким шепотом.

Тишина.

Зала эта, которой я так мало внимания уделила в прошлый раз, теперь поразила меня бьющей в глаза роскошью. Кричащей роскошью. Сперва я даже подумала, что все здесь из золота – стены, потолок, пол, изящная тонконогая мебель. Все искрилось и переливалось мягким желтым цветом. Позже пригляделась: нет, не золото – янтарь. Тонкими его пластинками кто-то с величайшим усердием выложил узоры на стенах: желто-коричневые розы. И узоры эти мастерством своим превосходили даже самую красоту поделочного камня.

«КГ» было выложено тем же желтым янтарем по центру стены. Карл фон Гирс. Разглядывая обстановку, я ненадолго даже забыла, зачем пришла. Впрочем, я постаралась взять себя в руки и грозным шепотом позвала Доротею.

И снова негодяйка не отозвалась.

На трех стенах гостиной, меж тем, располагалось три двери. Одна, нужно думать, вывела бы меня обратно в вестибюль; вторая, куда я с перепугу ткнулась в первый раз, снова была наглухо заперта, а третья – огромная двустворчатая дверь, оказалась открыта.

Вторая зала поразила не меньше. Стены, пол, величественные колонны, огромный камин были здесь не янтарными, а пестрили всеми оттенками красного, прорезанного тончайшими белыми прожилками. Яшма? Для верности я приблизилась к стене и положила на нее ладонь – холодная, каменная, идеально гладкая. Вензель «КГ» здесь располагался в центре выложенного мудреными узорами каменного пола.

Странно здесь было. Ни соринки, ни пылинки, свежо и чисто – но столь тяжелая и неприветливая атмосфера витала в воздухе, что хотелось бежать без оглядки. Все торжественно и печально. Как на кладбище. Если первая гостиная источала солнечный свет, то эта сеяла тревогу. Я скорее пересекла залу и распахнула следующие двери.

И не смогла решиться даже переступить порог.

Карл фон Гирс, сделавший первую гостиную янтарно-желтой, а вторую яшмово-красной, эту почти полностью отделал угольно-черным камнем. Обсидиан? Прожилки в черном камне кое-где отдавали голубым или красным – будто камень светился изнутри. Манил и обдавал могильным холодом. Если и была в этом красота – то дьявольская. Мне

не хотелось даже звать Доротею, не хотелось задерживаться здесь ни на минуту; лишь потому, что заметила очередную двустворчатую дверь в конце залы, я шагнула на скользкий пол и преодолела комнату почти что бегом.

Словно вознаграждение за прошлое, эта зала была самой обычной. На первый взгляд... Узкая и длинная: глухая стена слева и частые высокие окна справа, плотно занавешенные портьерами. Полумрак, что здесь царил, оставлял даже некоторое ощущение заброшенности. Полумрак и пыль, которую я невольно собрала на палец, проведя им по столешнице.

Столик этот был со стеклянной крышкой, и под стеклом вдруг что-то сверкнуло в полумраке. Я пригляделась.

– Ох ты ж... – вырвалось у меня нечаянно.

Под стеклом на бархатной подушке лежало ювелирное украшение вроде кольца. С белыми сверкающими камнями – я не сомневалась, что бриллиантами! И под стеклом соседнего столика еще одно, только другой формы. И еще, и еще...

Колье, ожерелья, тиары и прочие гарнитуры спокойно лежали на бархатных подушках – как в музее или ювелирном магазине.

Ну да, не зря же этот барон Георгий Николаевич назван ювелирных дел мастером – об этом факте я уже успела как-то подзабыть. Зато понятно, почему ходить в это крыло нельзя: не трупы похищенных девиц прячет здесь господин барон, а фамильные ценности.

Приглядываясь в темноте, я ходила от одной подушки к

другой и разглядывала, не смея прикоснуться. Я не очень-то была падка на блестяшки, раньше носила только кольца из серебра и такие же «гвоздики» в ушах, а тут... у меня, наверное, голова закружилась от количества блеска. Только поэтому я и рискнула вдруг тронуть одно из украшений.

И тотчас услышала шум где-то позади себя...

И голоса. Женский переливчатый смех.

Я растерялась совершенно. Остановилась как вкопанная, вцепилась еще крепче в бриллиантовую сережку, что подняла с подушки. Потом с перепугу бросила ее назад – криво! Соскользнув с подушки, серьга со звоном свалилась на пол. Я бросилась ее поднимать – не подняла, но зато перевернула всю подушку целиком.

А шаги и женский смех приближались.

– Маргарита! – окликнул меня гневный кукольный голос – хотя сейчас он мне показался спасительной сладкой музыкой. – Живо сюда, неуклюжая глупая Маргарита!

– К-куда?

– За штору! Да не туда, а влево – у канделябра!

Покрутив головой, я и правда обнаружила столик с огромным бронзовым канделябром и бордовую бархатную портьеру за ним. У самого пола из-за портьеры выглядывала маленькая кукольная ручка.

К женскому смеху за дверью присоединился и мужской басистый голос – и я, не раздумывая уже, бросилась туда, куда манила меня Доротея.

Портьера оказалась плотной и невообразимо пыльной – укрывала собой маленькую нишу с дверью. Там-то я и спряталась: одернула юбку, чтобы не выглядывала наружу, схватила Доротею, чтобы не удрала больше, и – затихла.

Поздно, поздно, поздно! – билось в моей голове. – Заметили! Уж перевернутую подушку точно заметят!

Кто бы там ни были, во время последних моих манипуляций они давно уж вошли в залу. Робкая надежда лишь оставалась, что, занятые своим смехом и разговором, они меня не увидели. И полутьма опять же была на руку.

– Тебе нужно за эту дверь, Маргарита!

Кукла повозилась в моих руках и даже попробовала вырваться.

– Чш-ш! – уже не зная, чего мне бояться больше, шикнула я.

Одним пальцем отвела полу шторы и выглянула в полутьму залы.

Их и правда было двое – мужчина и женщина в алом платье с открытыми плечами – переходили от одной бархатной подушки к другой, и женщина с восторгом щебетала над каждой бриллиантовой безделушкой. Какие-то хватала и начинала примерять.

Мужчина глядел на это безобразие вполне благодушно, даже советовал не торопиться, а посмотреть все. И, кажется, он вполне имел право здесь распоряжаться, потому что это и был пресловутый «папенька» – Георгий фон Гирс.

А я влипла. Окончательно и бесповоротно.

– Дверь! Дверь! – снова завозилась Доротея.

– Чш-ш! – разозлилась я. – По твоей милости мы сейчас попадемся!

– Если сделаешь, как велено, не попадемся! Тебе нужно открыть дверь!

Боясь, что стукнет каблук на каменном полу, я шагнула назад и все-таки толкнула дверь. Потом даже на ручку нажала для верности.

– Заперто! Чего и следовало ожидать!

– Глупая, глупая, Маргарита! Конечно, заперто, но ты можешь достать ключ!

Кукольная ручка дернулась и тронула бархатную портьеру так, что она пошевелилась. Я ахнула, напряженная, как стрела. И лишь потом увидела, что отворот портьеры подшит странным образом – так, что получался маленький кармашек, куда можно спрятать монету или... ключ.

– Глупая Маргарита! Неужели думаешь, что ключ положат рядом с замком! – зашипела на меня Доротея, когда я радостно запустила пальцы в тот карман.

Он, конечно, оказался пуст.

– Ключ в другом тайнике! – шипела на меня кукла. – Так-ком же точно, но в портьере у окна! Третьего от стены!

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! Пойди и забери!

Я, легонько отодвинув портьеру, глазами отсчитала третье

окно. Как раз напротив нашего укрытия. Через всю комнату. И речи не может идти о том, чтобы туда пробраться сейчас. Это самоубийство! Тем более что хозяин дома с голоплечей девицей стояли в каких-то десяти шагах, у софы, и негромко ворковали меж собой.

– Я не пойду туда! – твердо заявила я кукле. – Отсижусь здесь. Если так хочется, сама можешь отправиться за этим чертовым ключом. А я как раз сбегу, когда те двое свалятся в обморок!

– Глупая, глупая Маргарита! – злобно сверкнула глазами кукла, и я, разозлившись, зажала ей рот, чтобы, наконец, замолчала.

Наступила тишина... Затянувшаяся тишина, в течение которой даже голоплечая девица больше не смеялась. Я предпочитала не фантазировать, что они там делают. Лишь спустя минуты полторы тишина взорвалась кокетливым женским возмущением:

– Ах, пусти, Георг, пусти... я вовсе не такая!

И женские каблучки по паркету, отбегающие от Георга на почтительное расстояние.

– И не проси, – властно заявил он в ответ, – сегодня я никуда не отпущу тебя, моя прелесть.

Или девица была все-таки «такая», или убеждать Георг умел: в гостиной снова повисла тишина. Правда, теперь к ней примешивался и торопливый шорох одежды...

– Иди теперь! – велела Доротея, благо я чуть ослабила

хватку. – Они заняты и тебя не заметят! Иди!

– Ты с ума сошла?! И не подумаю! Молчи!

Снова я зажала ей рот. Хотя... Трепеща от страха, я все-таки чуть отодвинула портьеру, чтобы оценить обстановку. И никого не увидела. Невероятно, но гостиная была пуста! Впрочем, я быстро сообразила, что Георг с его дамой не ушли: их просто укрывала от меня высокая спинка софы. И, судя по всему, они на этой софе даже не сидели. Господи, ну почему такие истории приключаются именно со мной?!

– Иди! – возилась в моих руках Доротея. – Иди сейчас!

– Хорошо, иду! Замолчи только! – сдалась я неожиданно для самой себя.

Эти двое и правда были слишком заняты – а до окна всего ничего. Шага два или три. Я успею. Должна успеть.

Для верности я даже скинула туфли. Подобрала юбку и, набрав в легкие воздуха, как перед прыжком в воду, – невесомо выскочила из своего укрытия. Молнией бросилась через комнату к окну.

– Что это?! – громко ахнула дама на софе. – Ты слышишь, Георг?

Я, страшно запаниковав, спряталась за портьерой у окна. Затихла.

– Сквозняки, наверное. Дом старый, – отмахнулся тот.

И только тогда я выдохнула.

Опять дождалась, пока парочка займется своими делами, и только потом начала судорожно искать потайной кармашек

на портъере. Ощупала по краю одну, вторую... невероятно, но в отворот шторы и правда было вложено что-то длинное. Ключ! Откуда кукла о нем узнала? И стоит ли мне и правда отпереть ту дверь? Впрочем, я смутно догадывалась, что хуже, чем сейчас уже не будет...

Снова я задержала дыхание, помолилась, как смогла и – бросилась через комнату обратно в нишу у двери.

– Георг! – вскрикнула дама, едва я укрылась за шторой. – Я говорю тебе, там что-то есть! И это не сквозняк!

Слух как у летучей мыши!

Снова затихнув у двери, я неделикатно сунула Доротею под мышку и ждала, что Георг, как и в прошлый раз, отмахнется. Не тут-то было: его дама трепетала голосом и едва не плакала.

– Поди посмотри, умоляю... вдруг там кто-то... кто-то подглядывает. Я боюсь, Георг...

И он к моему ужасу сдался. Замерев, я слышала, как грузно и недовольно он поднялся с софы. Слышала, как жалобно скрипнул паркет под его ногами, а потом – он остановился. И отчего-то повисшая тишина пугала меня теперь даже больше, чем приближающиеся шаги.

– Серьга на полу... – его голос теперь был озадаченным. – И подушка опрокинута. Это ты уронила, Роза?

– Что ты, Георг, нет! Я и не ходила туда... Георг, мне страшно...

Мне бы скорее сунуть ключ в замочную скважину да хоть

попытаться скрыться... но так уж я устроена, что все мудрые мысли приходят ко мне сильно потом. А когда надо действовать, я ледяной статуей застываю на месте. И могу даже заорать совершенно по-идиотски.

Вот и теперь.

Нет, я не заорала – хотя и была близка к этому, пока глядела, как барон фон Гирс, мой работодатель и, возможно, маньяк, шаг за шагом приближается к моей нише. Остановившись в двух метрах, он упер руки в бока и осмотрелся.

Полумрак гостиной окутывал его лицо почти полностью – но клянусь, я видела, как дьявольски блеснули зеленые глаза под сурово сведенными бровями! И не могла отвести взгляд от этих глаз.

В реальности барон оказался старше, чем на портрете. Впрочем, (еще одно доказательство, что он продал душу чертям) возраст ему шел. Возраст высушил юношескую смазливость, огрубил кожу, заострил подбородок и скулы. А еще добавил резких складок у крыльев носа. Передо мной стоял высокий, широкоплечий мужчина, с тонкой, как у девушки, талией. А в разрезе белоснежной сорочки виднелась мощная смуглая шея.

Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг закусила губу. А потом глубоко вздохнула... и сделала это совершенно напрасно, потому что хлопья пыли, густо летавшие за шторкой, вдруг угодили мне точно в нос. И я чихнула.

Громко. От души.

Тотчас зажала себе и рот, и нос, приросла спиной к стенке и поклясться была готова, что именно в тот момент на моей голове седеют волосы. Потому что Синяя Борода из полумрака комнаты резко обернулся на мой «чих».

И смотрел в разрез портьеры. На меня. Точно в мои глаза.

Он видел меня, честное слово, видел! Только его глаза в это время совсем не были дьявольскими. Они были напуганными. Расширенными от животного, нечеловеческого ужаса – я даже отметила, что его смуглая шея в белых кружевах сорочки чуть дрожит...

А потом он через силу сглотнул и попятился. Будто призрака видел. Так и пятился, пока не скрылся из моего поля зрения.

– Пойдем отсюда, Роза, – хрипло позвал он свою подружку – и та поддалась ему очень охотно.

Открылись и закрыли двери в глубине гостиной. Оглушающее громко щелкнул замок. Они ушли.

Я не знаю, что это было...

Чего он так испугался, этот лихой барон? Меня? Или кого-то пострашнее тощей рыжеволосой бывшей дизайнерши? И до чего же глупо, наверное, поступаю я, все еще прячась в комнате, из которой только что сбежал взрослый мужик, поджав от страха хвост...

Опомнившись, я выглянула из укрытия и поспешила, было, к дверям – но опять завозилась Доротея:

– Не туда! Иди обратно, глупая Маргарита, и открой дверь

в Хранилище. Ты ведь добыла ключ?!

– Добыла... какое еще Хранилище? Что там, за этой дверью?

– Открой – и узнаешь, – гадко улыбнувшись, пообещала кукла.

Господи, мурашки по спине от ее улыбок... Неужели я и правда туда пойду? Впрочем, от страха или еще зачем-то барон фон Гирс запер Гостиную Маргариты снаружи. Мне теперь не выбраться прежним путем.

Я покрепче сжала найденный ключ в кулаке и снова шагнула в пыльную нишу. Вложила ключ в замочную скважину. Он подошел.

Глава 6. Розы, чашка кофе и маленькое путешествие

С темнотой в Хранилище я справилась быстро, благо электрическое освещение барон фон Гирс провел и сюда. И все же света не хватало. А еще здесь было невообразимо пыльно и холодно. Я живо вспомнила, что на дворе ноябрь, а одна из стен странного помещения, должно быть, сообщалась с улицей. Оттого и сквозняки гуляли по полу, добавляя мне лишних мурашек.

Почему Хранилище – сообразить было нетрудно: поперек комнаты располагались деревянные, несколько подгнившие стеллажи с сундуками и сундучками. И сундучки эти, кажется, хранили основной запас драгоценностей странной семьи фон Гирсов. Логично: в каждом музее есть запасники. Только зачем Доротея притащила меня сюда?

Кукла же, пока я разглядывала содержимое сундучков, деловито пробиралась меж полок куда-то в самый темный угол. Понадеявшись, что там выход, я плотнее закрыла дверь в оставшуюся позади гостиную, заперла ее на замок и поторопилась вслед.

Выход и правда был, даже не запертый на этот раз. Впрочем, как и следовало ожидать, провожатую мою привлек во все не он, а кусок стены в самом углу. Хотя тот кусок и был

занятым: выложен обыкновенными кирпичами, в отличие от серого, нарочито грубого камня, которым были убраны остальные стены. Новая кладка? И по форме напоминает дверной проем...

А еще мое внимание привлек участок сантиметров сорок на сорок рядом с заложённой дверью – он был грубо и наспех замазан какой-то смесью вроде цемента. Но не цементом, потому что кусок его рассыпался легко, едва я поддела его ногтем.

А потом уже любопытство мое разыграло: я нашла металлическую отвертку на одном из стеллажей и под укоризненным взглядом Доротеи расковыряла всю замазку. И не зря. Под ней оказалась табличка – латунная, плотно вогнанная меж камнями. Вроде той, у главного входа, где я прочла имя барона фон Гирса. Только на этой было не имя, а узоры в виде роз... и текст, выбитый мелко и убористо.

Сколько жемчужин у Маргариты?

Столько же роз влево и вправо, и снова влево.

Живите в мире, мои дети, лишь тогда откроются вам все двери.

Нескладный какой-то стишок. Хотя посыл верный. Зачем его оставили здесь, интересно? Я уж хотела спросить у Доротеи, но снова наткнулась на ее крайне недовольный взгляд. Она еще и ножкой по полу постукивала в раздражении.

– Ну? – едко спросила кукла. – Все развлекаешься?

Я смущенно кашлянула: всеми правдами и неправдами

Доротея влекла меня именно к кирпичной кладке на стене, это было очевидно.

– Там, видимо, был какой-то проход? – предположила я, чтобы она хотя бы не смотрела на меня как на ничтожество.

– Конечно был! Глупая, глупая Маргарита! Неужели ты думаешь, что Карл фон Гирс мастерил свои украшения прямо в Хранилище?!

Я потрогала кирпичи, чтобы убедиться: их разобрать будет не так просто. До чего же холодные.

– Зачем понадобилось замуровывать дверь, если там всего лишь мастерская?

И кукла едва не зарычала:

– Ух! Сколько раз я назвала тебя глупой, Маргарита, а ты так и не умнееешь! Ход замурован, потому что там не просто мастерская, но и ответы на вопросы!

Ну да, я глупая – а она гений сыска... Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро в одном флаконе. Впрочем, вслух я этого говорить, конечно, не стала: мы здесь вдвоем, и если что, то найдут мой хладный труп очень нескоро.

– И неужто не догадаешься, кто это сделал? – Доротея прищурилась, будто давая мне шанс оправдаться.

Я знала, какой догадки она ждет от меня.

– Хочешь сказать, что проход заложил хозяин дома? – недоверчиво спросила я. – Георг?

– Ты еще сомневаешься? Кто, если не сам хозяин? И проход скрыл, и табличку попытался испортить – очень уж не

хотел, чтобы кто-то этот текст прочитал.

Наверное, это правда. Посторонний вряд ли смог бы забраться в дом так далеко и надолго – это именно распоряжение хозяина.

– Вижу, ты не очень-то любишь фон Гирса, да? – сообразила я только теперь.

– А за что мне его любить?! – вспыхнула кукла. – За то, что мучает девочку? Или за то, что загубил жену?

Я поежилась:

– Слышала, его жена умерла после болезни...

– После болезни?! Как бы не так! Она выпила чашку кофе, в которой, разумеется, было что-то еще, кроме кофе – оттого и умерла!

– Хочешь сказать, ее отравили? Барон фон Гирс отравил?

– Именно! Именно это я и хочу сказать. Может, и не его рука подсыпала яд – но уверяю тебя, Маргарита, барон фон Гирс сделал все, чтобы его жена выпила эту отраву! Только после этого он и смог вздохнуть с облегчением...

Сказать, что я была в замешательстве, это ничего не сказать. Множество вопросов роилось в моей голове: откуда Доротея это все знает? Лично была знакома с Любовью фон Гирс? Или... или они связаны еще крепче? Что если душа баронессы вселилась в эту куклу? Я только об этом и думала, пока тихонько шла за Доротеей прочь из Хранилища.

А следующей комнатой оказалась, как ни странно, спальня. Очень богатая. Женская. Спальня баронессы фон Гирс.

В этом я убедилась, увидав на прикроватной тумбочке черно-белую фотографию маленькой Нади. Ей здесь года три, наверное. Других портретов в комнате я не нашла. Впрочем, мне и осматриваться не хотелось – здесь было жутко до ужаса. Шорохи, легкий неуловимый шепот, сгустки тьмы, что притаилась в углах – я поклясться была готова, что эта тьма то и дело принимает очертания человеческого тела...

– Пойдем отсюда, – позвала я Доротею, – мне здесь не нравится.

– Нет, – хрустнув фарфором, покачала головой кукла. – Мы пришли сюда, чтобы ты проявила, наконец, свой дар. Посмотри вокруг, Маргарита. Посмотри – и скажи, что здесь произошло шесть лет назад. Я знаю, что все произошло именно здесь.

– Ч-что произошло?

Впрочем, я лукавила: я знала, что здесь произошло.

– Она умерла именно здесь, да? – передернув плечами, спросила я.

Кукла молчала, въедливо глядя мне в глаза. Даже не ерничала и не обзывалась: наверное, она и правда хотела помочь Надюше. И я этого хотела. Честное слово, хотела! Но...

– Доротея, пойми ты, я ничего не вижу... То есть, вижу, чувствую, что здесь случилось что-то ужасное – но что именно? Мне холодно здесь. Очень холодно. Прошу, давай уйдем.

Но кукла меня жалеть не собиралась:

– Расскажи, что ты видишь. Ты видишь чашку с кофе?

Видишь, кто держит ее в руках?

– Нет! Не вижу я никаких чашек! Господи, я уже говорила Якову, что дара у меня нет! Вы все ошиблись! Оставьте меня в покое, наконец!

Я вспыхнула. Разозлилась на бездушную куклу настолько, что еще немного – и швырнула бы прочь, лишь бы выбраться из ужасной комнаты. Не знаю, каким чудом я сдержалась и всего лишь обошла Доротею – а потом пулей вылетела в дверь. Снова комната: будуар или что-то вроде этого. Она, судя по всему, тоже принадлежала баронессе, но здесь мне было куда спокойней.

– Ее нашли тут, у двери – услышала я кукольный голос, – с оборванной сонеткой в руках и возле разбитой чашки. Говорят, она страшно кричала перед смертью... но когда слуги прибежали – баронесса была уже мертва.

– Жуткая история... И все-таки хочешь ты или нет, но мы уходим.

– Никуда мы не уходим! – тут же запротестовала кукла. – Ты вернешься в спальню и попробуешь еще раз! – Паршивка даже попыталась удрать – но я теперь уж решила проявить характер и грубовато схватила ее, зажав под мышкой.

Кукла страшно трепыхалась, а я не слушала и пыталась справиться с замком на входной двери, и когда мне все-таки это удалось – оказалось, что я снова вернулась в Янтарную гостиную. Выходит, все левое крыло первого этажа, включая Хранилище и обитель бабушки Маргариты, принадлежали

когда-то Любви фон Гирс? Любопытно...

И розы. Мне живо вспомнились розы из стишка на латунной табличке – они ведь были здесь всюду в этой комнате. Большие и желто-коричневые розы, с мастерством выложенные янтарем на стенах всех стенах.

– Пусти! Пусти! – верещала и выкручивалась Доротея, и я, отмахнувшись от мыслей, поторопилась прочь – в вестибюль, а оттуда вверх по лестнице в детскую.

Надюша, заплаканная, несчастная, бросилась к ней как к родной. Обняла так горячо и крепко, что, если у этого дьявольского создания есть сердце, то оно обязано было дрогнуть.

– Спасибо, Марго, спасибо вам! Я уж думала... папенька забрал Доротею. Папенька вернулись нынче – вы слышали?

– Слышала... – выдавила я кислую улыбку.

А после ненавязчиво вытянула Доротею из Надиных объятий. Подошла к полкам с книгами и, встав на цыпочки, усадила мерзавку на самый верх.

– Давай-ка оставим Доротею пока здесь, солнышко. Чтобы не сбежала ненароком, – я заговорщически подмигнула Надюше.

Но девочке моя идея не понравилась:

– А что же если *они* вернуться? Они непременно вернуться, Марго! Я знаю.

Я вздохнула, подошла и села возле нее на корточки:

– Если вернуться, – выделила я голосом это «если», – то я

буду рядом! Уж я-то справлюсь с монстрами побыстрее, чем кукла, согласишься? К тому же после твоей «ma tante Vera», – добавила я заговорщическим шепотом, – я уже ничего не боюсь. Даже монстров. Честное слово!

Надя смущенно хихикнула и вдруг ткнулась лбом мне в плечо. А потом так и не отодвинулась.

– Не хочу, чтобы папенька вас уволил, Марго. Пообещайте, что не уйдете от нас. Пожалуйста, пообещайте.

– Обещаю, – как-то слишком легко вырвалось у меня... И тут же я об этом пожалела – но было поздно.

Зря я это сказала.

До чего же все-таки взрослые глаза у этой девочки. И как ей страшно сейчас. Не знаю, есть ли в этом доме настоящие монстры, но боится их Надя совершенно по-настоящему. А я понятия не имела, как это исправить.

* * *

Остаток дня дом стоял на ушах: все были взбудоражены приездом хозяина. Это даже на нашем изолированном этаже чувствовалось. Я пару раз выбиралась на лестницу, посмотреть что да как, но тут же убежала не в силах вынести всеобщей суеты. Страшно боялась столкнуться с бароном фон Гирсом – и до ужаса хотела взглянуть на него еще хоть раз... Как там говорила Доротея? Глупая, глупая Маргарита. И не поспоришь.

Почему он так перепугался, когда увидел меня за портьерой? И вообще – меня ли он увидел? Или – еще чего доброго

– призрак погибшей жены? Честное слово, я уже не исключала и это...

За всеми мыслями и переживаниями я далеко не сразу уловила, что моя подопечная сегодня тише и печальнее обычного. До сумерек стояла у окошка, оборотив взгляд на голый парк и черные ноябрьские деревья, и даже к завтрашним занятиям по арифметике не захотела подготовиться. Значит, совсем беда.

И тут до меня дошло.

Ее отец уже три или четыре часа был дома – и до сих пор не поднялся к нам на этаж. К себе он Надюшу тоже не приглашал, я узнавала. А она ждала его. Вздрагивала и оборачивалась на каждый скрип двери. Боялась? Или всем сердцем жала, что он придет? Мне все-таки казалось, что второе. И наконец, услышав очередной скорбный вздох за занавеской, я не выдержала.

– Так! Мадемуазель, смею вам заметить, что на часах уже шесть, а вы до сих пор не одеты. Ужин вот-вот! Что будете делать, если папенька позовет вас ужинать? Выйдете такой неряхой?

Надя смущенно разгладила белые накрахмаленные кружева дневного платья, более чем приличного, разумеется, а потом спросила главное:

– Думаете, папенька правда позовет меня ужинать? – спросила она с надеждой.

– Не знаю, солнышко, – честно ответила я. – Но если по-

зовет – ты должна быть при всем параде.

И снова я пожалела о своих словах – потому что глаза Нади живо заблестели. Теперь ведь точно до ночи станет ждать, когда «папенька» позовет за ней. А я, честно говоря, очень сомневалась, что это случится: у него там голоплечая Роза, которой он раздарил еще не все фамильные ценности.

И все-таки я надеялась, что Надя, занятая переодеванием, отвлечется хоть на время. А там уже и спать можно ложиться.

Моя затея и правда отчасти удалась: наряжалась Надя всегда долго и тщательно, как истинная маленькая леди. Только вот час ужина неумолимо приближался – а за ней так никто и не позвал... Отцу было не до нее. И даже более: прислуга о нас тоже забыла. Пришлось мне бежать на служебный этаж и тормошить Глашу, чтобы ребенка хотя бы покормили:

– Ох, я совсем с ног сбилась, – всплеснула руками та. – Нынче все, кто с кухни, господину барону в парадной столовой прислуживают, а про барышню-то нашу я и забыла... Сейчас-сейчас все будет, сама принесу. У нас сегодня «Беф Мирантон», полдня мусьё Латур с ним в кухне-то провозился!

– А это чего такое?..

– Да говядина с луком, – отмахнулась Глаша и побежала нагружать для нас поднос с ужином.

Выходит, барон все-таки поужинал отдельно, со своей голоплечей, а не дочерью...

Тут я услышала характерный грохот мотора под окном и выглянула узнать, кто приехал. Оказалось, что не приехал, а уезжают: барон, его Роза, еще мужчина и женщина – все в вечерних нарядах, в мехах и бриллиантах, большой развеселой компанией вывалились из дверей особняка и стали усаживаться в авто.

– В театр господин барон отправились, – подсказала, сервируя поднос, Глаша, – премьера там у них какая-то. А дама эта его новая – большая театралка, говорят. И поет чего-то там, и на фортепиане музицирует.

Я невесело кивнула.

А потом обнаружила, что не одна я грустно слежу за отъезжающим автомобилем: на крыльце в свете одинокого фонаря стояла Вера, спрятав нос в воротник соболиного полубубка. Стояла мрачнее тучи.

– И часто эта театралка здесь бывает? – поинтересовалась я.

– В доме-то? Первый раз нынче. Барон и сам уж полтора месяца дома не был. Фабрика у него на Большой Морской – ты не знала, что ли? Там-то и пропадает. И апартаменты тоже там, чтоб далеко не ездить. От деда фабрика досталась, от Карла фон Гирса. Он ведь старший внук.

– Значит, есть и младший?

Но Глаша то ли не услышала уже, то ли не захотела отвечать: подхватив огромный поднос, она понесла его в детскую столовую. Я нехотя потащилась следом.

Что я скажу Наде?

Черт с ними – и с этой папенькиной Розой, и развеселыми друзьями, и с фабрикой – но почему он даже не заглянул к дочери?! Хоть бы поздоровался! Хоть бы игрушку какую копеечную привез! Это уже пахивало даже не небрежностью: он вел себя так, будто его дочери не существует вовсе. Будто... он ненавидит ее и мстит девятилетнем ребенку за что-то!

У меня это в голове не укладывалось.

Может, он заглянет к ней перед сном? Да нет же, будь реалисткой, глупая Маргарита...

– Папенька уехали, да? – понятливо спросила девочка у Глаши, пока та сервировала обеденный стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.